

АНАТОЛИЙ
МАТВИЕНКО

ТЕЛЕФОН МИЛИЦИИ 02

АЛЛО, МИЛИЦИЯ?

АЛЛО, КГБ?

АЛЛО, ПОМОГИТЕ ХОТЬ-КТО НИБУДЬ!

Боевая фантастика (АСТ)

Анатолий Матвиенко

**Телефон милиции 02: Алло,
милиция? Алло, КГБ? Алло,
помогите хоть кто-нибудь!**

«Издательство АСТ»

2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Матвиенко А.

Телефон милиции 02: Алло, милиция? Алло, КГБ? Алло, помогите хоть кто-нибудь! / А. Матвиенко — «Издательство АСТ», 2025 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-180946-1

Московский студент-юрист из современности меняется телом с таким же студентом из 1982 года, получившим распределение в органы внутренних дел. Не просто попал, а влип по уши. Информации о предшественнике – ноль. Надо как-то выжить и приспособиться, не выделяться, не дать заподозрить окружающим, что он изменился в корне, найти своё место в «обществе развитого социализма». А ещё раскрыть жуткое преступление с убийством четырёх человек и разобраться со своей несколько запутанной личной жизнью. Да и организованная преступность не дремлет. Содержит нецензурную лексику.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-180946-1

© Матвиенко А., 2025
© Издательство АСТ, 2025

Содержание

Алло, милиция?	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	45
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анатолий Евгеньевич Матвиенко
Телефон милиции 02: Алло,
милиция? Алло, КГБ? Алло,
помогите хоть кто-нибудь!

© Анатолий Матвиенко, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

Алло, милиция?

Персонажи, кроме Брежнева на плакате и в телевизоре, вымышлены. Любые совпадения случайны.

Глава 1

История – не абстрактная, а прикладная наука. При неосторожном употреблении может приложить по лбу.

Егор Евстигнеев попал под раздачу, можно сказать, случайно. Он даже представить не мог, к чему приведёт его визит на кафедру теории и истории государства и права перед практикой на пятом курсе.

Для чего? Для написания диплома. Мало кто хотел туда идти. Кафедра считалась перспективной только для желающих защищаться, затем до пенсии коптить небо в вузе. Кто с деньгами и связями, те устраивались на диплом и преддипломную практику в контору, полезную для работы в будущем. Пацаны собирались в силовые – в Следственный комитет, в прокуратуру, в ФСБ, в полицию. Девчонки – в те же силовые, ещё у них пользовались популярностью адвокатура и нотариат.

Егор колебался в выборе.

Отец всегда говорил: будешь юристом – не пропадёшь. Дал денег на платное. Ими же попрекал, читая нотации в духе «я в твои годы».

Теми годами, пришедшимися на первую половину девяностых, он чрезвычайно гордился. Был менялой-валютчиком, якшался с какими-то бандитами. Да и в нулевых случалось всякое. Жили тогда в северной части Москвы. Раз он вёл маленького Егорку по Ангарской из детского сада, когда их остановили мрачные личности. Егор кинулся бежать, нашёл свой подъезд, взлетел на второй этаж и колотил в дверь маме, не дотянувшись до звонка. Евстигнеев-старший объявился только через три дня, исхудавший, тихий. Другие подробности выветрились у мальчишки из головы.

Когда он учился в школе, отец остепенился. Наладил бизнес с белорусами. Начал возить в Москву белорусский трикотаж и молочные продукты. Влетал на падении курса российского рубля, выручало лишь то, что белорусский рубль валился за российским вслед ещё сильнее.

В десятые годы семья переехала из панельки в квартиру побольше и в район получше, появился дом в Подмоскowie, в сторону Вязьмы. Особенно Евстигнеев любил махнуть к поставщикам-корешам в Белоруссию, иногда брал Егорку.

Для взрослых мужиков там было круто. Отдыхали у озера. Ловили рыбу сеткой. Стреляли по банкам. Запускали в ночное небо китайские фейерверки. Бухали. Шли в баню. Потом Егора отправляли спать, а он через окно слышал звонкие женские голоса. Батя предупреждал: «Я сам ни-ни, ты же знаешь. Но маме на всякий случай не говори. Пусть не волнуется зря».

В целом жизнь двигалась по накатанной дороге. Отец намеревался сделать единственное чадо младшим партнёром в ООО «Евстигнеев и сын». А потом и вообще передать дело в его руки с надеждой, что унаследует деловую хватку и привычку оттягиваться по-рыхлому: в бане, с бухлом, с девицами. Что кинет свою никчёмную рок-группу ради настоящих взрослых дел. Музыкальные интересы Егора расценивались как проходящая блажь. Конечно, запросы у Евстигнеева-старшего были не ахти какие высокодуховные.

Только он скоропостижно скончался. Там же, в Белоруссии. Сказали – insult в парной. Привезли урну, кремировав его в Минске. Сын не видел мёртвого и не мог поверить, что витиеватая железная банка – всё, что осталось от отца.

Вдобавок, получив общий курс криминалистики на четвёртом, знал: поспешная кремация зачастую скрывает следы убийства. Евстигнеев-старший был бизнесменом, пусть некрупным. Таких мочат чаще, чем водопроводчиков. Но уже ничего не установишь и не докажешь. Белоруссия – иностранное государство. Пусть сто раз дружественное.

В общем, отметили сорок дней. Помянули. На сорок первый мама Егора привела в квартиру дядю Володю. Так его представила. Высокий, моложе лет на пять-семь. Из Белгорода. При Советах подобную публику звали «лимита».

Мама сказала: «Всё знаю про папины загулы. Про его секретарш-любовниц, сменяемых не реже чем раз в полгода, когда надоедали. Поэтому не удивляйся, сын, появлению дяди Володи. Фирма „Евстигнеев“ будет продана. У неё долги, поэтому на большую сумму рассчитывать не приходится. Твоя доля составит миллион или даже меньше».

Он выдохнул, тупо глядя на знакомые узоры обоев в гостиной и совершенно незнакомого мужика, по-хозяйски откинувшегося в папином кресле.

– Дом под Вязьмой, – напомнил ей. – Он миллионов на двенадцать тянет.

– Заложен, – сообщила мама. – Под бизнес. После погашения кредита, если что и останется, получишь четверть. Я покажу бумаги. Не волнуйся, дорогой. Прослежу, чтоб ни один рубль не ушёл мимо.

На «дядю Володю» – это мимо или в яблочко? Спрашивать не стал. Тот сам заговорил.

– В любом случае, Егор, твоей доли в имуществе фирмы хватит, чтобы год или больше снимать квартиру. Ты уже взрослый, самостоятельный. Скоро университет закончишь, как я слышал. С мамой жить неудобно, дело молодое, девушку надо иногда привести, понимаю.

– Сами вы собираетесь жить здесь?

Сжал зубы, почувствовав, как от гнева и возмущения даже ливер затрясся внутри. Кресла в квартире ещё помнят папин зад, в шкафу лежат его трусы и носки, а этот ушлёпок ведёт себя как обладатель Кольца Всевластия...

– Конечно, парень. Мама же сказала: твой папа вёл себя недостойно. Со мной она будет счастливее. Мы давно с ней вместе.

– О'кей, дядя Володя. Но хочу напомнить, что квартира принадлежит и мне. Я здесь зарегистрирован, у меня есть право проживания.

– Что ты хочешь сказать? Не съедешь?

– Съеду или не съеду – моё дело. Но свою долю в жилище, если я соглашусь вас впустить, я оцениваю в двести пятьдесят тысяч в месяц. За полгода вперёд.

– Егорушка... Как ты можешь... – Шагнула вперёд мама, но дядя Володя её отстранил.

– Пойдём выйдем на коридор, малец, – прошипел он. – Базар будет по-мужски.

В этот день, только на двадцать втором году жизни, Егору впервые выпало как следует постоять за себя. Или жалобно заскулить, покидая поле боя и законное жильё. Гены отца, выжившего в тёрках и разборках девяностых, не позволили признать поражение.

– О'кей, дядя Володя, – повторил он. – Секунду обожди. Только полицию вызову. Сообщу, что какой-то мутный тип, не зарегистрированный здесь, влез в квартиру и валить не хочет. С ними и говори по-мужски. Ты же в курсе, я практически юрист. Знаю, что ментам заявить. Тёплые вещи и паспорт с собой?

Егор достал смартфон и начал тыкать в тачскрин, но не успел. Володя выбил трубу, затем врезал по физиономии.

Это он зря. Мало какая женщина станет на сторону любовника, принявшегося колошматить её единственного сына.

Короче, совместными усилиями выгнали драчуна. Мама потом рыдала, сын потирал фингал на скуле, утешаясь, что заплатил небольшую цену за то, чтобы вывести «дядю Володю» на чистую воду. Проблема в том, что за ним появится «дядя Гена». Или «дядя Петя». Мама чувствует себя обиженной судьбой за отношение со стороны папы и хочет себе воздать.

В общем, когда перед Егором открылась дверь кафедры, парня больше занимала мысль, куда двигать вообще, а не какая-то дипломная работа. Её правдами или неправдами сдаст. Вот главный вопрос – что делать в жизни – повис без решения.

Взросление произошло на полгода раньше, чем рассчитывал. Хотя... Что бы изменилось за полгода? Да ничего.

В отличие от сокурсников, он ближе к выпуску всё чаще мучился вопросом: для чего это? Зачем я живу? В чём моя глобальная задача? Для чего мы приходим на этот свет?

Из его одноклассников подобными дуростями не страдал никто. Спроси каждого – ради чего старается, ответит: стать успешным, сделать карьеру, наладить бизнес, у девиц – выйти замуж за успешного. Достаточно сказать, что среди них не было ни одного, замеченного в гомосексуальности, сплошь натуралы. Гомики и лесбиянки больше склонны к размышлизмам, рефлексиям всяким, потому их столько подвизается в искусстве. Юристы же, в большинстве своём, конкретны как автомат Калашникова.

Егор не был гомо, но и с девушками получалось редко. Давали ему только те, кто предлагал всем желающим по принципу: кому-нибудь вдруг понравлюсь и возьмут замуж.

Влюблялся, да. Но исключительно в тех, кто не позволил бы и дружеский поцелуйчик. Разве что напоследок – в лоб и в гробу.

– О чём задумался, студент?

– О спящей царевне в хрустальном гробу, Афанасий Петрович.

– Тестостерон, эрекция и мысли о бабах. Работаю в вузах, начиная с СССР. Студенты не меняются.

– Декан иначе формулировал.

– Ну?

Егор криво усмехнулся и подумал: быть может, не стоит начинать общение с руководителем дипломной работы с пошловатого анекдота, но доцент первый произнёс слово «эрекция».

– Артур Игоревич сказал: я старею, жена стареет, любовница... взростеет. А третьекурсницы всегда свежие!

– Бородатый анекдот. Но – верный. Ничего, юноша. Потерпи лет сорок. Мысли о бабах никуда не исчезнут, зато чаще будут вызывать раздражение, чем похоть. Тему выбрал?

Егор насупился. Он не подготовился. Доцент немедленно впихнул ему плановую. Такую, что студент едва не взвыл: «История советской милиции в доперестроечный период, 1981–1985 гг.».

У плановости имелся единственный плюс: список рекомендованной литературы составлен заранее. Значит, нужно просто скомпилировать один текст из десятка. Содрать с одного-двух – плагиат. С полудюжины и более – творчество. Даже наука. Рассказывали, в каких-то вузах преподы крали особо талантливые дипломные и переделывали себе в кандидатскую... Точно – не в этом. Компиляцию из десяти монографий не защитишь на учёную степень.

Через месяц, это было начало февраля 2022 года, Егор снова припёрся на кафедру, договорившись с Афанасием Петровичем о встрече.

– Всё прочёл? – спросил руководитель, едва поздоровавшись.

– Нет! Половины источников не существует.

Доцент поправил очки, глядя на студента с неподдельным интересом. Хоть тот и не третьекурсница.

– Почему ты так решил?

Егор достал смартфон. Довольно новый. Мама купила, потому что старый разбил её хахаль.

– Смотрите.

Он вводил названия монографий, и «Яндекс» добросовестно предлагал варианты всякого информационного мусора о советской милиции вплоть до фильма «Петровка, 38», но только не ссылку на книжку.

– И что?

– Могу через Google посмотреть. То же самое. Их нет.

Преподаватель снял очки и заржал. Редкие седые волосики, ненавязчиво прикрывавшие череп, затряслись.

– Ох уж это поколение «зэт». Или поколение «альфа», не знаю. Если нет в интернете, не существует вообще?

– Естественно.

– Самое смешное, что вы, молодёжь, абсолютно правы. Необходимое полностью выложено в Сеть. А если не выложено, значит, никому и не нужно. Но с историей иногда иначе. Вот представьте. На пересечении Моховой и Воздвиженки что-то есть. Не исследованное, не выкопанное археологами, не облизанное историками. Разумеется, про него не опубликовано в интернете. Да, в научном обороте его не существует. А на самом деле? Вдруг там клад? Или аномалия?

Отвлечённые умопостроения Егора сейчас мало интересовали. Хотелось быстрее набрать файлы с источниками и, потратив семь вечеров в течение недели, слепить относительно связный рассказ о советских ментах, сдать на кафедру и забыть.

Чисто из вежливости он спросил:

– Ну и что там – на пересечении Моховой и Воздвиженки?

– До войны стояла усадьба Стрешнёвых-Нарышкиных. Сталин приказал её снести. Вместо неё возведено помпезное угловатое здание Ленинской библиотеки. Сейчас – Российская государственная библиотека. В ней хранится всё, о чём только можно мечтать.

– В смысле... Не электронная библиотека? Бумажные книги?

– Ты же коренной москвич, Евстигнеев, так? – ответил доцент вопросом на вопрос, хоть за еврея принять его невозможно. – Вы такие ограниченные! Кто приезжает с периферии, наоборот – жадные. Норовят всё узнать, всё попробовать, заранее пристроиться. А вы устроены с детства. Поэтому ленитесь шевелиться. Давай так. Завтра в десять утра. Встречаемся, где регистрация новых читателей. Я тебя проведу и покажу, как пользоваться картотекой.

– Завтра суббота! – взмолился он.

– Это у тебя суббота. И будет ещё масса суббот и воскресений. Мне идёт седьмой десяток. Много хочу успеть, а времени нет. Поэтому для меня понедельник начинается в субботу, как у Стругацких. Работа. Не хочешь – не неволю. Сам будешь искать, потратив лишнее время.

Вот же... хороший человек, трам-пам-пам, матюгнулся про себя Егор.

Рефераты и прочие сочинения на заданную тему в прошлые четыре года он писал, мышкой выдирая нужные куски из источников, набранных в Сети. Почему сейчас не так?

Делать нечего. Ежу понятно, коль не найдёт те раритеты, доцент хрен допустит к защите. Их же надо фотографировать, затем руками набивать весь текст на клавиатуре... Грёбанный Афанасий Петрович!

Студент уел его лишь тем, что онлайн зарегистрировался заранее и заказал книжки по его списку. Да, в электронном каталоге нашлись все. Этим огорошил старика. Тот что-то пробормотал о пропащем в интернете поколении и потащил парня в гардероб.

Книжки уже ждали на выдаче. Но доцент решил устроить экскурсию. Прочитал целую лекцию о фундаментах старых особняков, погребённых под сталинскими угловатыми не то пакгаузами, не то мавзолеями.

Шагая за ним, Егор усомнился, что от дома Стрешнёвых-Нарышкиных сохранились подвалы. Под библиотекой метро. Здесь всё копано-перекопано и перезалито бетоном.

Наконец дедунчик вздумал отлить и повёл спутника в крыло, для посетителей не предназначенное, перебазарив с кем-то из знакомых сотрудников того же бумажно-книжного поколения. В туалете доцент направился в кабинку. И пропал внутри. Люди входили и выходили, правда – редко. Егор тоже воспользовался писсуаром. Сполоснув, вытер руки и прикинул: чего, собственно, ждать? Стучать в дверцу и вопрошать «эй, ты не помер?» – как-то невежливо. Понадобится – наберёт. Студент потопал искать выход в читальный зал самостоятельно.

Вскоре обнаружил, что забыл дорогу. Вроде бы свернул не в тот коридор. Открывшийся проход показался каким-то архаичным. За деревянной массивной дверью потянулся слабо освещённый тоннель с грубыми кирпичными стенами. Если не времён Стрешнёвых-Нарышкиных, то, скорее всего, неизменный с 1930-х годов, когда, если верить Афанасию Петровичу, строилась библиотека.

Егор думал уже разворачиваться и топать назад, если что – вызванивать деда, чтоб слез с горшка и помог выбраться, как увидел впереди неплотно прикрытую дверь. Из-за неё пробивался свет. Может, там начинается пространство для посетителей, куда более просторное?

Он вышел в дверь... И очутился на улице. Ёкнуло, пропустив удар, и вновь застучало сердце.

Вот те раз! Быстрее, видимо, теперь было пробежаться вокруг здания и снова войти через главный вход, а оттуда попасть в читальный зал, нежели блуждая по служебным катакомбам.

Так... где телефон? На нём регистрация и электронный пропуск. Егор хлопнул себя по заднему карману. К ужасу своему ощутил, что тот пуст. Мля... Наверно, когда расстёгивался у толчка, выронил.

Логично было развернуться и повторить свой путь в обратном направлении, разглядывая пол в поисках трубы. Но тут его внимание приковала странная деталь. Он – в пальто! Странном, из плотной коричневой ткани. Куртку же сдал в гардероб... Да и не носит такой фасон, он годен лишь для бомжа с Киевского вокзала.

Что-то было совершенно не так, иначе, в мелочах, в ощущениях. Пропал насморк, зато болел намозоленный палец ноги, невесть откуда взялась эта мозоль, зубы казались немного другими при касании языком. Глаза... А вот глаза увидели такое, что полностью оторвало от исследования собственного организма. Манеж напротив библиотеки украсился огромным плакатом, освещённым прожекторами. На нём позировал бравый старик с мохнатыми бровями и пятью золотыми звёздами на пиджаке, приветливо машущий пятернёй. Выше его головы читались слова: «С Новым годом, товарищи! С Новым, 1982 годом!»

Что стряслось? Он какой-то дезинфекции надыхался в подвале и бредит? Между Егором и Манежем сновали автомобили, словно извлечённые из музея советского ретро: «Жигули», «Волги» и даже «Москвичи» с «Запорожцами». Живые и блестящие, а не ржавеющие под заборами.

От тоски поднял глаза выше. Кремлёвские звёзды те же. Спыхватился: они же одинаково выглядели и в 1982-м, и в 2022 году!

Размышления прервал сердитый оклик:

– Егор! Евстигнеев! Где ты бродишь! Автобус ждёт! Всех нас задерживаешь. Мы ещё на Горького собираемся, дефицитов к новогоднему столу прикупить.

Круглолицая дама лет тридцати пяти в шубе мехом наружу покрикивала столь безапелляционным тоном, что Егор даже не стал уточнять, что улица Горького давно уже Тверская... И механически поплёлся за ней следом, чтобы получить следующий нагоняй – о забытой в автобусе шапке, без неё голова мёрзнет.

Точно, мёрзла. Настолько, что он без разговоров натянул её. Такую держал в руках впервые в жизни – ушанку из дешёвого меха, почему-то пахнущую одеколоном. Уши были завязаны сверху верёвочками, сложенными в кокетливый бантик.

Странно, но именно эта шапка сыграла роль последней капли и убедила, что происходящее – не галлюцинация, не сон. В том числе холодный автобус «Икарус» и сидевшие внутри молодые люди, явно с ним знакомые, судя по поведению, но Егор их видел впервые.

При галюниках мозг опирается на известную ему информацию. Егор же видел миллион деталей, которых представить не мог! Не способно же его сознание, пусть в самом сумеречном состоянии, выдумать целый мир в мельчайших подробностях, включая запах соляного выхлопа, проникающий в салон, когда автобус начал выкручивать с площадки...

– Егор! У тебя деньги ещё остались? Дай трёх до стипендии!

К нему подсел высокий курчавый блондинчик в таком же уродливом пальто, но светлее.

Егор сунул руку за пазуху и нащупал в левом внутреннем кармане сложенный полиэтиленовый пакет. Такое вот портмоне времён развитого социализма. Достав его, обнаружил паспорт и три красноватые бумажки с профилем Ленина и гербом СССР.

– Ого! Тридцать! Так ты куркуль. Раскулачивать пора, – расцвёл блондинчик. – Дашь?

– Не-а. Мне надо ей подарок купить.

Это был экспромт. Выстрел наугад.

– Сдурел? Танька даже не смотрит в твою сторону. Приедем в Минск – поймёшь окончательно.

Что за Танька? Неразделённая любовь? Ладно, не важно, но на фига ехать в Минск? Что там забыл?

С отцом он бывал в нём проездом. Чаще отцовские друзья подбирали обоих в аэропорту и везли куда-нибудь на Нарочь – бухать и оттягиваться.

– Евстигнеев, не давай Сане в долг, – раздался с заднего сиденья недовольный девичий голос, выговаривавший Г мягко, почти как Х, получалось «Евстихнеев». – Жанке на свадьбу скидывались по пятёрке, он попросил за него заложить. Клялся – отдаст. Шиш!

– Да отдам я, отдам, – кисло возразил курчавый. – Я на стажировку устраиваюсь с временным зачислением в штат и с полным окладом – девяносто рублей. Вот и рассчитаюсь. Ну?

– Баранки гну. Отстань! – Егор повернулся к нему спиной вполоборота и украдкой рассмотрел паспорт. На привычный внутренний паспорт гражданина Российской Федерации он не походил совершенно.

Фотография не на третьей странице, а в начале. Два свободных места для фоток, когда обладатель будет старше.

Национальность – белорус.

Место рождения – Речица Гомельской области.

Дата рождения... Шестидесятый! Получается, разница в возрасте составляет ровнёхонько 40 лет, день рождения тот же – 6 июля.

Но лицо – совершенно другое. С тяжёлой челюстью, скуластое. Редкие усишки.

А ведь перед выходом в библиотеку тщательно выбрил. Егор немедленно пощупал губу, пушистая поросль, заметная на фото, щекотала пальцы, украшенные на суставах странными мозолями.

Давай уж начистоту, сказал он себе, прими очевидное. Другое время. Другое тело. Но то же самое имя! Чертовщина какая-то...

Да, читал книжки про попаданцев в прошлое. Но тем хорошо было: попаданец полностью перенимал память бывшего хозяина организма. Что помнил сам Егор за истекшие сутки? Вечером обмывали «Тойоту Короллу» Кабана, ему батя подарил – к грядущему выпуску, и Кабан проставился с радости. Потом пришёл домой, протрезвев по пути, игрался на приставке. Бренчал на электрогитаре, привыкая к новому процессору. Пролистал новости в телефоне, послал Косте пару прикольных гифок... Это ни разу не воспоминания 21-летнего Егора Евстигнеева, готовящегося к Новому, 1982 году.

В гастрономе № 1, прозываемом «Елисейский», где другие пассажиры «Икаруса» покорно заняли колоссальную очередь за дефицитами, он вперился в большое зеркало, сняв шапку с завязочками, и принялся изучать отражение.

Ну... не Аллен Делон. Или кто там был секс-символом в СССР? Выше ростом и шире в плечах себя утреннего. Лицо простецкое, как раз районного покроя. Не боярин. Физиономия внебрачного сына графа Шереметева уроженцу Речицы не катит. И без того водопадом повалит фальшь от неприспособленности к жизни в Союзе.

Челюсть с ямочкой на подбородке свидетельствовала о силе характера, но мужественность лица разбивалась о беспомощное выражение глаз, где запечатлелся единственный вопрос: кто я?

Допустим – тоже студент. Из обрывков разговоров в автобусе сложилась картинка: группу студентов-отличников-активистов за счёт комитета комсомола Белорусского государственного университета премировали однодневной экскурсией в город-герой Москва. После отоваривания продуктами группу ждёт Белорусский вокзал и плацкарт до Минска.

«Небоярин, что делать будем?» – это Егор спросил у отражения в зеркале. Двойник из зазеркалья совета не дал и столь же вопросительно таращился в ответ.

Можно прыгнуть прямо сейчас и не ехать в Минск. А куда податься? Отец уехал в Москву, откосив от армии, где-то под занавес «перестройки». Сейчас он живёт вроде бы в Абакане, мать в Воронеже, и они ещё не знакомы. Кстати, он семьдесят третьего года... Опаньки, ему стукнуло, получается, восемь лет. Вопросы деторождения его пока не волнуют, наверстает позже.

Маме семь, подсчитал Егор. В первый класс пошла. В пионеры приняли. Или в октябрята, он не знал, что в СССР полагалось раньше.

Как ни крути, пионеры-октябрята не помогут студенту втрое их старше.

Не говоря о том, что в их жизнь вмешиваться нельзя никак. Малейшее изменение – и он испарится, не зачатый, растает в сумеречных потоках многомерного времени. По той же причине не стоит соваться к дедушкам и бабушкам, вполне уже взрослым. Не старым, как они запечатлелись в его памяти.

Снова порылся в карманах и нашёл студенческий билет с вложенными в него бумажками, а также пропуск в общежитие. М-да, ещё одно неслучайное совпадение. Егор Евстигнеев, оказывается, студент 5-го курса дневного отделения юридического факультета Белгосуниверситета. Прошёл преддипломную практику в городском суде и после Нового года обязан явиться для продолжения практики уже по месту распределения. В УВД Минского горисполкома.

Да здравствует советская милиция доперестроечного периода! Грёбаная тема грёбаной дипломной работы. Вот только на хрен он нужен ментам, тем более – в Минске? Белоруссия – место тихое, здесь не было громких происшествий, самолёты не угонялись, люди сидели тихо и растили свою картошку.

Ради чего история милиции, которую он должен был описать в дипломной работе, неожиданно распахнула хищный зев и засосала его внутрь, сделав вместо автора сочинения действующим персонажем?

Егор никогда не любил историю, теперь – особенно.

Глава 2

Стылый «Икарус» тянулся по Тверской в сторону Белорусского вокзала. Тверская, то есть Горького, была та же и не та одновременно.

Реклама банков, авто и всякой кока-колы исчезла напрочь. Вместо неё колыхались огромные тряпки поперёк улицы и на стенах домов с трогательно-восторженными надписями: «Наша цель – коммунизм!», «Решения XXVI съезда КПСС – в жизнь!», «Слава советскому народу!» и прочие. Егор обратил внимание, что белорусские сотоварищи по столичному вояжу ни в автобусе, ни на улице не поднимали глаза на эти плакаты. Видимо, они примелькались студентам, как облака на небе. Лишь его удивляли призывы к коммунизму вместо вывесок «Крошки Картошки».

Вот и Пушкин. Здравствуй, Сергеич! Вроде же тебя переносили на противоположную сторону, а ты стоишь на привычном месте? Значит, то произошло раньше, а коренной москвич хреново выучил историю города, где родился, и уже не помнит – когда состоялся переезд поэта.

Пока закупались в гастрономе, основательно стемнело. Вывески на магазинах горели ярко, но не привычные светодиодные, а из каких-то трубок. Часть этих трубок светила ровно, другие моргали, вряд ли по воле их хозяев, или вообще гасли. Заметив такой «Продовольственный ма_азин», Егор подумал: если так в центре самой Москвы, что же творится в Речице? Хотя... Напишут «Слава КПСС» и подсветят обычными лампочками со спиральками, дёшево и сердито. Говорят, здесь электроэнергия и вообще коммунальные услуги не стоили почти ничего, а планировалось их полностью сделать бесплатными в ожидании всеобщего коммунизма. О том, что ровно через десять лет вместо обещанного коммунизма придёт распад СССР, в Москве знал он один.

В это время пацаны в автобусе оживились, показав пальцем на стайку фланировавших в сторону Красной площади ярко раскрашенных девиц в изящных полушубках, длинных красных сапожках на высоком каблуке и слишком коротких юбках, не прикрывающих коленки. Один Егор понимал, что это – издержки отсутствия интернета. В его время торговля любовью шла on-line с выездом к клиенту, без необходимости морозить ноги на улице.

Часто мелькала олимпийская символика – пять колец и умильный мишка с этими кольцами на пузе. Полтора года прошло, а Москва помнила, как он улетал из Лужников.

Снова оживление. Среди «Москвичей», «Запорожцев», «Волг» и «уазиков» величественно прополз единственный «Мерседес» с дипломатическими номерами. Раритет семидесятых, с кругляшами в блоках фар. Понятно, что по здешним меркам – круть. В двухтысячных они тоже встречались – старые и сгнившие, в деревнях на них возят картошку.

– Вот бы хоть раз на таком проехать! – завистливо прошептал Саня при появлении иномарки.

Девица, упрекавшая его в невозврате пяти рублей, расслышала последние слова и бросила в ответ:

– Уж вряд ли. Для этого дипломатом надо стать, МГИМО закончить. Там конкурс о-го какой, с золотой медалью не пробиться. Мы, белорусские, рылом не вышли.

Про «рыло» Саня принял на свой счёт и обиделся.

– Варя, затихни, а? Сам Андрей Андреевич Громыко, министр иностранных дел Советского Союза, родом из Беларуси. Он никакой МГИМО не заканчивал, всего лишь наш минский нархоз. В дипломатию можно пройти через ЦК комсомола или, тем более, через ЦК партии, а там, если повезёт, удаётся вырасти по любой линии.

– Андрей Андреевич, насколько я помню, пролетарского происхождения, – вставила групповодша, та, что завела Егора в автобус у библиотеки. – Александр, кто ваши родители?

– Папа – инженер. Мама на истфаке БГУ работает, вы же знаете.

– Выходит, подвели тебя интеллигентные родители? Закрыли дорогу к трибуне ООН?
– Ну что вы, Марьсергевна, – взмолился Саня, чью мечту поправил грубый сапог реальности. – Сейчас не те времена, не сталинские.

– Подумай, для чего Андрей Андреевич пошёл в дипломаты? Чтобы защитить интересы родной страны на международной арене. А ты, Саня, чтоб на «Мерседесе» по Европе рассекать. Думаешь, этого не знают, не заметят?

– Мечтать о карьере и комфорте, принося пользу обществу, нормально!

Варя не смогла смолчать.

– Сань, а ты в КГБ запишись. Говорят, в разведке КГБ куда больше народу, чем в МИДе. Будешь не просто на «Мерседесе» по европам кататься, но и с погонями, перестрелками. Героя Советского Союза получишь... Посмертно!

Слушавшие этот разговор дружно заржали, Саня скуксился. Групповодша, заметив, что автобус вырывается на площадь Белорусского вокзала, наказала брать вещи и готовиться к высадке – приехали.

– Есть с вещами на выход, херр группенфюрер!

Егор остолбенел. Это же, мать твою, социализм! В его время за всякое фашистское-нацистское, намёки там, тем более – демонстрацию свастики, выписывали штраф, а то и посадить могли. Здесь же примерные комсомольцы-отличники позволяют себе...

– Вася! Ещё раз меня Мюллером назовёшь, отправлю в концлагерь. Арбайтен унд дисциплинен! Или лучше сразу в газенваген.

– Сань... – Егор шептал как можно тише, чтоб ядовитая на язык Варька не услышала. – Почему Мюллер?

– Ты с дуба рухнул? У вас же в общежитии телевизоры есть. В октябре «Семнадцать мгновений весны» повторяли. Не смотрел ещё раз? Там Леонид Броневой – группенфюрер СС, начальник гестапо. Марья Сергеевна – то ещё гестапо, особенно когда характеристики пишет комсомольцам после стройотрядов. Командует нашей группой, значит – группенфюрер. Ферштейн?

У себя бы Егор сказал: Yes, sir. Но здесь больше кидаются германизмами. Стало быть – яволь. Это в той, оставленной за кормой реальности студенты почти поголовно знали английский – хотя бы для чтения мануалов к иностранной технике или чтоб не заблудиться в аэропорту Антальи. Поэтому пришлось промолчать. Лучше казаться сонным, чем неадекватным.

– Егор, ты сумку забыл.

Варя ткнула пальчиком в сторону верхней полки. Собственно, только сейчас он разглядел девушку. Милая провинциалочка, невысокая, пухлая. Взгляд ласковый. Совсем не похожа на язву, что подкалывала Саню. Мама всегда предостерегала именно против таких. Не имея сексапильной внешности а-ля Анджелина Джоли, периферийные берут заботой, добротой и вниманием. А потом отыгрываются сполна, получив заветный штамп в паспорте. Прогрызают насквозь. Это со слов мамы, которая, исполненная житейской мудрости, поступила с точностью до наоборот и себе привела областного дядю Володю. Егор лично на своём опыте не проверял.

По совету Вари он посмотрел вверх. На полке сиротливо болталась единственная сумка. Очевидно – его. Спортивная, на длинном ремне. Вместо надписи «Адидас» или «Найк» белело патристическое «Динамо». Естественно – с олимпийским логотипом.

Совокупный портрет готов. Коричневое пальто с чёрным воротником, серая заячья шапка, синяя сумка, зелёные стройотрядовские штаны, рыжие полусапожки на молнии со сбитыми носами. Местный Егор Евстигнеев – дальтоник или это стиль такой? Скорее всего, отоваривался в магазине из того, что было, предположил его преемник. Мог позволить себе роскошь в пределах стипендии. Ах да, наверное – повышенной. Он же отличник, сто пудов – претендент на красный диплом.

Это была проблема. В его шкуре попаданцу из Москвы не сдать госы на пятёрки, и в Москве-то учился кое-как. Тем более не ориентировался в законах социалистического времени.

Кстати, где он, прежний Егор? Неужели он убит и его личность стёрта, когда новая вселилась в это тело?

Тем временем студенты приблизились ко входу в здание Белорусского вокзала, в более новую его часть, заглубленную, а не ту, что ретро и выходит на площадь. Егор приготовил сумку к досмотру, поискал глазами металлоискатель... Ничего не нашёл. Группенфюрер и другие минчане вошли внутрь беспрепятственно.

– Товарищи! До нашего брестского поезда ещё два часа до отправления. Ждём, располагаемся.

– Яволь, Марьсергевна, – откликнулся Василий. – А почему мы не фирменной «Тройкой»? Скоро уже садились бы.

– Потому что у комитета комсомола лишних денег нет, как и плацкартных вагонов в фирменной единичке, – ледяным тоном процедила дама, которой «яволь» снова прозрачно намекнуло о Мюллере и её соответствующей репутации среди студентов. – Рассаживаемся на свободных местах и ждём. Не расходимся, не теряемся. Вон, Евстигнеев отлучился, едва нашла возле Ленинки!

Пока тот рассматривал длиннющие очереди возле касс, неизбежных, потому что on-line продажи железнодорожных билетов появятся не скоро, его одуревшую голову пронзила очевидная мысль. Если он здесь, в теле Егора из Речицы, тот вполне может занять московское в феврале 2022 года!

Сможет ли он проявить твёрдость духа, если мама приведёт следующего «дядю Володю»?

А ещё в карманах джинсов пропуск на автостоянку и ключ-брелок от папиной «Хонды Аккорд». Там сто девяносто кобыл под капотом. Даже если советский Егор умеет водить, здесь он в лучшем случае управлял «жигулями-копейкой». Разобьётся к едреням!

Так. Игра зашла слишком далеко, решил путешественник в прошлое. Пора заканчивать.

Улучив момент, когда группенфюрер отвлеклась, он выскочил из здания вокзала и понёсся рысью налево, к станции «Белорусская радиальная». Разминул с отрядом цыганок. Обогнул тёток, замотанных как немцы под Сталинградом и продающих горячие пирожки, дымящиеся на морозе.

Вот и метро. Проезд стоит пять копеек. Пятачки в кармане есть, тем более какой-то парень, почти не скрываясь, сунул в монетоприёмник обыкновенную металлическую шайбу и прошёл дальше.

Егор посмотрел карту и впечатлился: майн гад, до чего же метро крохотное! Большинство центральных станций – те же, привычные, сориентироваться не проблема.

Не прошло и получаса, как он снова ошивался у библиотеки. Осталась мелочь – найти вход. Точнее – выход, из которого вывалился в прошлое. Подбодрил себя: буду вспоминать случившееся как забавное приключение. Если сильно повезёт, и «машина времени» работает нон-стоп, сможет устраивать себе прогулки в брежневскую эпоху. Здесь по-своему прикольно. Необычно. Не Кушадасы, Пхукет или Гоа, у азиатов совершенно чужой мир, а это своё, но другое. Ладно...

Наконец, стена. Мраморные плиты облицовки.

Он прошёл её всю, до угла. Вернулся. Прогулялся ещё раз.

Палец с мозолькой болит. Двери нет.

Так, спокойно, сказал себе Егор, стараясь унять грохот сердца. Если здесь оборудован проход в будущее, его бы непременно заметили. Даже без зовущей рекламной вывески Welcome to the Russian Federation – 2022.

Значит, он аккуратно скрыт. Щели-зазоры минимальные.

Хоть изнутри, насколько он помнил, имелась обыкновенная деревянная дверь. С толстой вытертой рукоятью.

Третий проход. Медленно. Ощупывая чуть ли не каждый стык между мраморными глыбами. Постукивая по ним.

Результат тот же. Ставка не сыграла.

– Гражданин!

Он обернулся. Вслед шагал милиционер – в шинели, шапке-ушанке и чёрных начищенных сапогах. Ремень с португеей, на ремне – кобура. Микрофон рации у плеча. Воплощение скорого будущего самого Егора Евстигнеева.

К слову – русский. В московской полиции Российской Федерации низовые чины зачастую – азиаты да северокавказцы.

– Слушаю, товарищ лейтенант.

– Чем вы занимаетесь?

Признаться: ишу портал в будущее? Не, не оценит юмора, решил Егор.

– Смотрю и восхищаюсь. У нас в Минске тоже мраморные плиты кладут. Но не так тщательно, как здесь. Молодцы!

– Документы!

Протянул ему студенческий билет, не доставая паспорт. В паспорте всё же деньги лежат, зачем дразнить?

– В самом деле – из Минска, – промычал лейтенант. Место козырное, здесь вместо сержантов офицеры попадают. – Вот что, студент. Иди-ка ты отсюда. Что-то подозрительно ковыряешь напротив самого Кремля. Могут заинтересоваться люди в штатском из другой организации. Смекаешь?

– Так точно, товарищ лейтенант. Я сам в милицию распределён. В минскую.

– Вот и езжай в свой Минск. Давай-давай!

Он огласил приговор. «Свой Минск». А какие варианты, если путь в прежнюю жизнь закрыт?

Егор! «Хонду» не поцарапай, ладно? И маму береги.

Бросив ещё один пятак, Егор ехал на эскалаторе в недра Москвы, вдруг ставшей чужим городом, отторгающим пришельца, её заменит «свой» Минск. И внезапно почувствовал, что не очень-то сильно грустит из-за облома. Сердце успокоилось и стучало в обычном ритме.

Ведь жизнь обрела смысл! Впервые за двадцать один с половиной год. Как минимум ему нужно научиться выживать, приспособиться.

Он постарался найти плюсы в своём положении. В первую очередь, это послезнание о четырёх десятках лет советской и постсоветской истории. Какое оно обеспечивает преимущество?

Если честно, то нулевое.

Егор знал, что Горбачёв будет самым неудачным руководителем Союза за все годы существования СССР и приложит idiotские усилия для его сохранения, тем самым ускорив крах, в результате чего «нерушимый» развалится в девяносто первом. Что это даёт? Нужно проникнуть в Политбюро и подсказать Брежневу: выкинь ты этого вундеркинда с его Раисой Максимовной на Чукотку, или он разрушит всё, что ты строил после Хрущёва... Трижды не получится: раз – не проникнуть, два – не поверят, три – отправят в палату с мягкими стенками.

Что ещё? Война в Афганистане едва разгорается. Не помнил всех подробностей, знал точно одно – где-то через десять лет после «ввода ограниченного контингента» Горбачёв будет вынужден убрать оттуда армию, потерпев поражение. Потом точно так же и не солоно хлебавши уведёт войска Байден. Предупредить? Но тогда светит не распределение в милицию, а распределение в тюрьму за распространение клеветы, порочащей социалистический строй и Советскую армию, свято исполняющую интернациональный долг.

Хотелось бы предотвратить взрыв на Чернобыльской АЭС. Ок, сообщит, но кому поверят принимающие решения в ядерной энергетике – учёным с мировым именем, тщательно спланировавшим эксперимент, или анонимному прогнозу от неизвестного «прорицателя»?

Хреново, что Егор помнил историю фрагментарно. Школьную забыл. Вузовскую – лишь по истории государства и права. Горбачёвскую антиалкогольную компанию знал по Постановлению об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, кажется, примерно так оно называлось. Но до полусухой эпохи ещё несколько лет!

Выручало в какой-то мере, что Егор прочитал, пусть не слишком внимательно, несколько книжек по истории милиции. Хоть как-то ориентировался, где ему придётся служить.

Вот выпускники школ МВД подготовлены более конкретно. Они – стопроцентные менты уже на момент вступления в должность.

Он понадеялся, что на фоне других неучей из гражданских вузов не будет сильно выделяться.

Короче, никаких преимуществ у него нет. Одни минусы – меньшая приспособленность к этой среде. Неизбежные и труднообъяснимые «провалы в памяти», потому что совершенно не знал жизни предшественника в теле Егора Евстигнеева.

Всё. Отрезано.

Он сжал кулаки, пока ногти не впились в кожу. Сказал себе: отныне – в моём теле. А не какого-то предшественника. Егор 1960 года рождения из Речицы – это я. Иначе докачусь до раздвоения личности.

В реальности же он докатился до Белорусской и вернулся в зал ожидания, где на втором этаже обнаружил студенческую компанию в сборе. Мюллер обгавкала беглеца, ругая за отсутствие.

Он подошёл к ней вплотную и взял за руки.

– Мария Сергеевна! Спасибо вам. Вы очень внимательная и заботливая. Не только по работе в комсомоле. Вы по натуре такая – не можете относиться к обязанности наплеватьски. Чесслово, я ценю.

У неё челюсть отпала. Стал виден тонкий отпечаток красной помады на зубах.

– Егор? Ты подкальываешь?

– Зачем? Все вас уважают. И Мюллером пацаны дразнят вас по-свойски, с любовью. Была бы на вашем месте вредная гримза, обращались бы только по имени-отчеству и как можно реже. Я вам правду говорю, ребята чёт стесняются. Вы же не в обиде, фройлянд?

Она его обняла! Растрогалась. Доброе слово и комсомольскому работнику приятно.

– Какие вы все хорошие! А давайте по пивку? Не здесь, конечно. Когда сядем в вагон.

Никто не возражал.

Парни и Мюллер скинулись по 74 копейки, две бутылки каждому, Егор поддержал. Даже Саня, сначала попросивший в долг, вытащил мятый рубль и отсчитал себе мелочью из общей кучи сдачу 26 копеек. Варя и другие девушки заказали по одной.

– Роскошествуем! – проворчал кто-то. – Студентам полагается наливать пиво в трёхлитровую банку. А так даже если бутылку сдать, выходит 25 копеек за поллитра. В ларьке за двадцать набулькают.

– И нае...ут на отстое пены, – добродушным матом ответила Марьсергеевна. – Плавали, знаем. Уймись, крохобор. У нас праздничное путешествие в Москву, дорога и завтраки оплачены комсомолом. Что ты ноешь?

Егор же прислушивался к цифрам. 25 копеек, 37 копеек, какая, казалось бы, разница? Привык, что всё, что меньше ста рублей, считается мелочью. Поездка в московском метро стоит 60 рублей, за отдельную поездку выходит меньше только при покупке единого. Здесь – 5 копеек. В 1200 раз дешевле. Нет, не дешевле, столько же, просто 5 копеек имеют ту же покупательную способность на транспорте, что и 60 рублей 2022 года. Студенческая стипендия

начинается с 40 рублей, если правильно расслышал. Повышенная у Евстигнеева-отличника, но всё равно – гроши. И на них надо жить.

Поддерживают ли родители?

Отца-бизнесмена у речицкого парня быть не может. Бизнесмены в СССР есть только на Кавказе, и то их иногда сажают. Так что, в самом оптимистичном случае, они обычные рабочие или служащие, у которых негусто. Значит, придётся как-то дотянуть до зарплаты мента. Коль получит звёздочки, она должна капать чуть обильнее, чем ординарному штатскому.

Родители, правда, создадут новую проблему. Уж они-то точно учуют, что сына словно подменили.

– Егор! Ты последнее время какой-то задумчивый, – одёрнул его Саня. – Идём за пивом?

– Варя, проследи за мальчиками, – вставила Мюллер. – Чтоб не начали употреблять до поезда. Мне только с вокзальной милицией неприятностей не хватает.

Непонятно, отчего она волновалась. На скамейках зала ожидания самообразовался фуд-корт, практически каждый второй что-то жевал. Дети и женщины запивали газировкой типа «Буратино», мужики без какого-либо смущения пивом, многие мешали пиво с водкой. Вокзальная милиция смотрела на происходящее сквозь пальцы. До горбачёвского полусухого закона и облав за распитие в скверике, да ещё километровых очередей за водкой – примерно четыре года...

Сейчас у Егора просто урчало в животе. Прежний владелец уступил ему свой организм некормленным.

– Сань! Жрать охота.

– А то. Как завтрак клюнули, ни крошки во рту.

– По пирожку? – предложила Варя, когда они спустились на первый этаж.

– Я – пас, – открестился экономный. – В вагон зайдём, поедим халявное. Зуб даю.

– Попрошайка! – фыркнула их спутница, Егор промолчал, не понимая, о чём речь.

Наконец подали состав. Марьсергевна, женщина опытная в организации всякого движа, резервировала билеты грамотно. Студентов с ней – восемнадцать, они заняли собой три отсека, четыре койки по одну сторону от прохода и две боковушки напротив. Егору она благоволила, выделив нижнюю и не сбоку, главное – подальше от туалета. Тот взгромоздил две авоськи с «Жигулёвским» на стол, это такие сетчатые мешки для продуктов, запихнул сумку вниз (что, интересно, в ней находится?) и улёгся. Мюллер присела рядом, приятно прижавшись попой к его бедру.

Была она чуть полновата, хоть и приятна лицом. Когда сняла шапку, стало заметно, что собранные в хвост волосы немного жирные, хорошо бы их вымыть. Конечно, ей стоило бы пользоваться ещё чем-то из косметики, кроме помады. Тёплая, но ни разу не женственная кофта грубой вязки и плотная длинная юбка завершили портрет. Или пейзаж, если смотреть с вагонной койки, так как собой женщина закрыла Егору весь горизонт.

Лишь только поезд тронулся, и проводница собрала билеты, сюда началось всеобщее студенческое паломничество, а Егор сделал ценное открытие: под столом предусмотрена специально обученная дырочка с выступом. О неё очень удобно открывать бутылку с пивом. Но и просто уперев в алюминиевый обод стола, а затем, ударив сверху ладонью, тоже нормально, алюминий нёс на себе зарубки от тысяч откупоренных бутылок.

Остро запахло кисловатым пивом. Оно норовило вылезти наружу пузырячатой пеной и сбежать вниз по бутылке, переползая через край горлышка. Торопливые студенческие губы не дали пропасть ни капле.

Егор тоже взял бутылку. Отхлебнул...

Бррррр... Какая гадость!

Конечно, он не наивный чукотский юноша и не ожидал обнаружить равное «Будвайзеру», «Пльзенскому» или хотя бы «Балтике». Но... бли-и-ин!

Светлое, мутное, нефилтрованное. Примитивный грубый вкус.

Поскольку со всех сторон доносилось счастливое бульканье, выделяться не стоило. Понимая, что смаковать эту дрянь не сумеет, Егор вылил в себя пивную бурду одним залпом.

– Ещё? – участливо спросила Мюллер.

– Пожрать бы, – повторил он мечту часовой давности, не утратившую актуальность. Скорее – наоборот.

– Сань! Ты обещал пройтись по вагону, – напомнила Варя. – Нарисуешь, и я тебе половинку своего пива оставлю.

Девочка тоже понимала, что «Жигулёвское» образца 1981 года находится далеко от предела мечтаний.

– Замётано. Полбутылки, – он наклонился и выглянул в проход. – Обожди только минут двадцать. Пусть разговееются. Всегда берут раза в два больше, чем могут слопать.

– Всё не хватай, – предупредила Марьсергевна. – Готовили до выезда в Москву. Протухнуть могло.

– Не учите учёного! Выбирать не буду, притащу как можно больше. А вы уж, девочки, обнюхаете и скажете, что испортилось, а что нет. Овчарки вы мои!

Это он зря.

– Овчарка – значит сука. Марьсергевна, он нас сучками обозвал, – немедленно истолковала Варя.

– Сань! Не перегибай, а? Мюллера я тебе ещё прощу. Но суку... Только если справишься с заданием.

Понимая, что ляпнул невпопад, Санёк немедленно двинулся по проходу, исчезнув из поля зрения. Слышен был лишь его голос, жалобно выпрашивающий поесть бедным студентам. Потом начался моноспектакль. Первая сцена игралась в духе «сами мы не местные», не хватало только аккордеона. Вторым актом шёл отрывок из «Двенадцати стульев», монолог Кисы Воробьянинова: «же не манж па сис жур, гебен мир зи битте...»

Университетские давились от смеха и вслушивались в шорох фольги, в которую оборачивали варёных кур, а сейчас разворачивали, чтобы оторвать лапку или крылышко для студенческого пропитания. В общем, принёс он много. Егор тоже премировал его половиной бутылки пиваса, Саня даже слегка окосел.

– Журналисты, они такие, – сообщила Мюллер, споро очищая пару яиц, сваренных вкрутую, – себе и Егору. – Олухи сплошь. Язык без костей. Выпить и закусить не дураки. А Санька далеко пойдёт. У него отец в «Советской Белоруссии» редактором. Сначала, конечно, отработает по распределению в районке, какая-нибудь «Солигорская Заря». Потом папаша перетянет его в Минск. Если не к себе, то в «Звезду», «Вечерний Минск» или в «Минскую Правду». Через какое-то время – собкор «Правды» или «Известий» в БССР. Не пропадёт! Зря ему Варька глазки строит, подкалывает шуточками.

Марьсергевна куснула яйцо и хлебнула пива. Егор ел и слушал. Для приличия вставил:

– Почему – зря?

– На потрапушки его даже я разведу. Хоть мне тридцать скоро. А Варьке замуж надо. Но кто же позволит? Редакция «Советской Беларуси» в номенклатуре горкома партии. Главный редактор – это вообще персона ЦК КПБ. Каста, знаешь ли. Там играют свадьбы среди своих. Если какой-то недоросль приведёт в дом невесту из Хойников или Шклова, шансов, что её примут, мало. Скорее всего, погонят обоих. А сын вернётся один. Есть, правда, способ. Забеременеть. Начальственному папашке крутиться приходится, чтоб избежать скандала. Иначе вызов в горком на ковёр, почему завалил морально-воспитательную работу среди единственного сына и так далее.

Ей тридцати нет?! Он дал бы ей 35–40. Быстро же старели бабы в СССР!

– А вы сами?

– Думаешь, после литра пива разоткровенничаюсь? Фиг тебе!

Через пять секунд, наклонившись и шёпотом:

– Ну и что тут скрывать! Потому и засиделась в комитете комсомола. Мужичка присматриваю. А то поехала бы после своего истфака обратно в Могилёвскую область, колхоз имени пятидесятилетия без урожая – учительницей средней школы, там одни только пьющие комбайнёры. Нет уж. Да и доценты иногда становятся вдовыми, – она глотнула остатки из бутылки и затыкнула, не попадая в мотив:

Не расстанусь с комсомолом,
буду вечно молодой...

Её перекричало вагонное радио, жизнерадостно сообщившее:

И вновь продолжается бой!
И сердцу тревожно в груди,
И Ленин такой молодой,
И юный Октябрь впереди!¹

Варя выкрутила регулятор громкости на ноль, то же самое сделали в соседних отсеках, заставив Кобзона умолкнуть.

Егор знал, в каком году тот умолкнет насовсем. Кому продать эту информацию? Никому, даже самому певцу, потому что нет никаких доказательств. Только если потом, в 2018 году, прилюдно заявить: я же предупреждал! Короче – чушь.

Вскоре приглушили свет. Марьсергевна заботливо набросила на Егора одеяло.

А жизнь-то налаживается, подумал он. Не будь вокруг кучи народу, ехали бы с ней в купе вдвоём, тёплым прижатием попы не ограничилось бы. Вон как о «потрапушках» свободно рассуждала.

Пусть не самая мисс Москва, но он непривередлив.

Почему-то возникла ни на чём не основанная уверенность, что здесь обживется. Без всякой логики, чисто по наитию решил.

А как приспособится, начнёт выбирать «великую» цель. Сверхзадачу, ради которой судьба забросила его в прошлое. Дома, безбедно проживая на папины трикотажные денежки, он мог существовать как растение. Рос и рос себе, нежась на солнце. Но такой поворот, обмен с тёзкой-однофамильцем из прошлого... Как говорил Винни-Пух, «это жу – неспроста».

Вдруг ему предстоит предотвратить распад СССР? Или хотя бы войну на Кавказе?

Улыбнувшись глупому предположению (где он, а где глобальная политика), Егор повернулся на бок и уснул под стук колёс да дребезжание разболтанных панелей.

---

¹ Слова Николая Добронравова.

Глава 3

– Как всегда... – проворчал участковый, седоусый капитан милиции Говорков, известный на районе как Гаврилыч. – Не Новый год, а день пиротехника, чтоб его! Только школьников распустят на каникулы, начинается баловство. Ладно, гильзы от мелкашки начинают спичечными головками – хлопнет и всё. Фиг вам, подай карбид да магний! Нет, чтобы культурно, цивилизованно, съездили на экскурсию в Москву, походили по музеям, по библиотекам...

Аккомпанируя участковому, где-то недалеко один за другим бабахнули два взрывпакета. Из-за угла выскочила собака, сорвавшаяся с поводка. С раскрытой пастью и выпученными от ужаса глазами помчалась в темноту.

Детворе для утоления порывов души почему-то не хватало магазинных хлопушек, рассыпающих конфетти, или бенгальских огней. Под Новый год хотелось сильнее. Как в финальной части прошлогоднего фильма «Тот самый Мюнхгаузен», где Олегу Янковскому принесли целый мешок сухого пороха: рванёт как надо.

Бывало, доморощенные сапёры оставались без пальцев или без глаз. А ещё могли забросить взрывпакет на балкон первого или второго этажа, чисто из хулиганства. Самые изобретательные наполняли бумагой, пропитанной в растворе садовой селитры, корпуса от велосипедных насосов и поджигали. Насос превращался в ракету, она сначала крутилась и ползала по снегу, потом, наткнувшись на препятствие, вдруг взлетала и неслась в случайном направлении, к непередаваемому восторгу автора поделки и его дружков. Буквально вчера к Гаврилычу попал материал по заявлению, что горящая насосная трубка влетела в форточку на третьем этаже и прожгла ковёр гражданке Ивановой. А та – не простая гражданка, в жёке работает и распределяет дефицитные чехословацкие унитазы. Вой такой подняла, что, кажется, содержимое этих унитазов расплескалось на весь район.

– Отстреливай заявителей. Из табельного «макарова», – перебил причитания участкового Лёха Давидович, опер уголовного розыска.

– Громче кричи. Чтоб все слышали. А потом активная гражданка накатает заяву. Получишь и по служебной, и по комсомольской линии.

Сыщик примолк. Они топтались вдвоём на крыльце у входа в гастроном по улице Калиновского, 46. Ничем не примечательный магазин вдруг оказался набит битком. Заведующая позвонила с утра на опорный: пищеторг не выполнил годовой план, и к праздникам подкинули мясного – колбасу «докторскую», как раз для салатов оливье, колбасу «любительскую», сосиски «молочные», а для самых обеспеченных – сервелат по 3 рубля 20 копеек за килограмм. Свиные и говяжьи туши на разруб. Да ещё мандарины. Мало того, особую роскошь ассортименту придали шоколадные конфеты минской фабрики «Коммунарка», обычно отвозимые в Москву и Ленинград. Минску чаще доставался гомельский «Спартак», а в самом Гомеле довольствовались карамельками «Красный Мозырянин».

Говорков отнёс в опорный увесистый пакет, расплатившись по-честному, иначе – взятка. Но привезли много, целый фургон ГАЗ-53. Глазастые бабки заметили, как машина разгрузилась со двора. Хватит не только «своим». Страждущие колбасы выстроились в очередь ещё до того, как началась продажа. Как раз по этому поводу два милиционера, старый и молодой, паслись у витрины с обеда и дотемна.

Двумя днями ранее начальник Минского городского УВД приказал для усиления охраны общественного порядка отправить на улицы как можно больше офицеров – в помощь патрульно-постовой службе. Чтоб пугали правонарушителей изобилием милицейских погон и шинелей.

Лёха попал под мобилизацию и честно месил снег вперемешку с грязью на пару с участковым. Пользуясь привилегиями оперативной службы, форму он не надел и ёжилась в легка

утеплённой болоньевой куртке да вязаной лыжной шапке. Гаврилыч, заботливо нацепивший вязаный жилет под шинель и тёплые гражданские ботинки вместо сапог, чувствовал себя не в пример лучше. И вообще как дома, вверенный участок он изучил до мелочей.

Сыщик здесь ещё мало кого знал. Он только в текущем году выпустился из Минской высшей школы МВД СССР. По ходатайству начальника МУРа, минского уголовного розыска, получил назначение в столицу республики и койку в общежитии с временной пропиской. В городском управлении его обкатали несколько месяцев и отправили в район, «на землю». С напутствием – наберись ума-разума на мелочовке, потом заберём тебя обратно в управление, раскрывать тяжкие.

Поэтому чуть ли не каждый второй житель микрорайона, бежавший в гастроном промышлять колбасу для торжественной встречи Нового, 1982 года (без колбасы вообще 1 января не наступит), здоровался с Гаврилычем, зато игнорировал отиравшегося возле него парня, слегка небритого, ссутулившегося и засунувшего руки в карманы.

Польза от присутствия милиционеров была нулевая. Очередь самоорганизовалась, единоголосно проголосовала «в одни руки больше двух кило не отвешивать», и каждый дисциплинированно ждал. Не так, как месяц назад, когда привезли дефицитную красную рыбу, и бойкая дамочка цапнула три вместо положенных двух, а затем принялась защищать добычу, звонко шлёпая рыбьим хвостом по мордасам конкуренток.

Снова что-то бухнуло во дворе ближайшей панельки-пятиэтажки. Наверное, малолетний кулибин несколько часов трудился, спиливая напильником магний с бруска, чтобы секунду наслаждаться эффектом и возмущёнными воплями из форточек в окнах, испуганно задрезавших от взрывной волны.

– Идём во двор, погоняем пиротехников, – предложил Гаврилыч, поглядывая на часы. – Не ровен час, что-то серьёзное подорвут. Ща как составлю на них протокол!

Участковый сунул руку в планшетку, очевидно, проверяя наличие бланков.

Они сделали всего пару шагов, как предсказание сбылось.

Грохнуло с такой силой, что заложило уши. Взрывная волна толкнула в спины. Лёха матюгнулся от боли. Острое вонзилось под лопатку, пробив тонкую болоньевую ткань.

Шинель капитана оказалась прочнее. Участковый лишь подобрал упавшую форменную шапку с грязного снега и выдернул осколок стекла, торчавший из спины напарника. Тот таращился на магазин.

– Ни хрена себе салют! Погнали!

Опер ломанулся вверх по ступенькам и в дымный проём, где минуту назад светилась неоновая витрина с новогодней ёлкой, а сейчас чернела дымная тьма, из которой по одному вываливались оглушённые и растерянные охотники за дефицитом.

– Стой, долбо... трах! – заорал Говорков и бросился к телефону-автомату. Ни в районный отдел, ни в дежурку УВД по номеру 02 он не дозвонился. Матерясь на связь, капитан побежал вслед.

Через минуту Лёха, отчаянно кашляя, вытащил через разбитый витринный проём здорового мужика. Спасённый прижимал к себе и не хотел отпускать два нарядных подарочных свёртка – розовый и голубой.

– Брось барахло, ещё накупишься! – гаркнул на него Лёха, но осёкся.

Яркие свёртки оказались комбинезонами, а из-под капюшонов выглядывали детские лица. Очень бледные. И неподвижные...

* * *

«Москвич» ИЖ-412 завелся далеко не сразу. Сержант Вишневецкий затейливо поблагодарил скупое начальство, до сих пор не выбившее для экипажей охраны скоростные «Жигули».

Наконец мотор кашлянул и взревел, чудо ижевских рукодельников вынеслось на улицу. А ведь простому заводскому труженику для покупки этого корыта с болтами приходится стоять в профкомовской очереди. Обычно – лет десять...

– Шестьдесят седьмой, вы где? – протрещала рация.

– Я – шестьдесят седьмой. На Якуба Коласа около Волгоградской. Свернули с Сурганова, – ответил напарник Вишневецкого, младший сержант Борисов. Он едва умещался в машине, отодвинув сиденье назад до упора. – Как приказано, едем на Калиновского, 46, на помощь первомайцам, на взрыв.

– Какого ... члена ... вы сошли с маршрута?! Сработка в сберкассе напротив политеха! Разворачивайтесь! Опоздаете хоть на секунду, пожалеете, что родились!

– Была ж команда – на Калиновского, – хмыкнул водитель, выкручивая руль.

Теперь многое зависело от того, занесли ли эту команду в журнал. В дежурке протирал задницу молодой и нервный старлей. Мерзкий тип, этот запросто переведёт стрелки и соврёт, будто не приказывал гнать в соседний район. Не привык, что сработка в сберкассе или заводских кассах – дело житейское. Крыса, например, пробежала, датчик или проводку хвостом зацепила. Мы же не в США, где полиции приходится гонять гангстеров, грабящих банки!

«Москвич», расцвеченный синими проблесковыми огнями, словно настоящий полицейский автомобиль, круто развернулся, подпрыгнул на трамвайных рельсах и понёсся по Якуба Коласа в противоположном направлении – в сторону центра. Вишневецкий включил сирену.

Ехать было недалеко, в норматив укладывались в любом случае. Оказалось – не зря. Пока половина милиции города суетилась из-за взрыва у первомайцев, кто-то задумал проверить вневедомственную охрану. У самой сберкаassy под тревожно моргающей лампой сигнализации замер жёлто-синий УАЗ, похоже – министерский.

– Завалим их как взломщиков? – предложил Борисов, оскалив зубы в улыбке. – Покажем бдительность.

– Охренел? Всё по уставу: товарищ полковник, экипаж № 67 по сигналу о сработке прибыл. И спинку держи ровнее, они любят показуху. Пошли!

Милиционеры оставили «Москвич» довольно далеко, на проезжей части, чтобы старушка не увязла в сугробах у сберкаassy. Шли расслабленно, не доставая оружие. Поэтому потеряли драгоценные секунды.

Из дверей вышли двое, бросив на заднее сиденье объёмные баулы. Вишневецкий едва опомнился, когда те сели в УАЗ и немедленно дали дёру. Оба были в штатском.

– Борисов! Дуй в сберкаассу, звони, стереги, чтоб больше ни хрена не сп... дили! Я за ними!

Машина завелась с полоборота, словно почувствовала: сейчас не до шуток, заупрямится – спишут к едреням.

Вишневецкий невольно вспомнил любимый прошлогодний телесериал «Место встречи изменить нельзя», где Высоцкий-Жеглов кричит водителю – жми, а тот сварливо возражает – у вражины мотор вдвое мощнее. У УАЗа не особо больше, чем у «Москвича», но он гораздо крепче и сидит выше.

Грабитель, похоже, думал аналогично. Выписав затейливую кривую по улицам, он углубился в частный сектор Сельхозпосёлка, где разъезженные колеи покрылись коркой льда. Вдобавок присыпанные снегом ямы норовили оторвать колесо вместе с подвеской, а на поворотах «Москвич», обутый во «всесезонную» резину, норовил развернуться на 180 градусов. Задница УАЗа неумолимо отдалялась.

Лихорадочно вращая руль, сержант даже не пытался связаться по рации, безуспешно к нему вызывавшей.

Редкие жители посёлка отчаянно прыгали в стороны, уступая дорогу. Со стороны казалось, что группа из двух милицейских машин следует на какое-то особое срочное задание.

Наконец деревенская застройка кончилась. Сумасшедшая гонка привела их в Зелёный Луг. УАЗ влетел во двор, намереваясь проскочить его насквозь, но не вышло: дорогу намертво перегородил мусоровоз.

И только сейчас Вишневецкий осознал, что по самые помидоры влип именно он, а не бандиты. Их – минимум двое. Не исключено – вооружены. Против УАЗа его тарантайка – что детская коляска.

Не приближаясь вплотную к жёлто-синей корме, сержант схватил микрофон рации:

– Я шестьдесят седьмой! Первый! Преследую грабителей по адресу...

Ответом был лишь треск эфирных помех и далёкая перебранка, к нему отношения не имевшая.

УАЗ тем временем развернулся. Его фары устремились навстречу, быстро увеличиваясь. Вишневецкий врубил заднюю передачу и с криком «бля-а-а!!!» вдавил газ до упора. Уйти от удара не успел. Бампер УАЗа, прочный как рельса, впечатался в правый борт. Обречённый «Москвич» отбросило и повалило на левую сторону.

Но УАЗ тоже занесло от удара. Он зацепил стойку для выбивания ковров и перевернулся.

Сержант выполз наружу через проём ветрового стекла. Выглянул из-за машины, тотчас в неё угодила пуля.

Матюгаясь на чём свет стоит, Вишневецкий вытащил «макаров». Искренне пожалел, что нет «калаша». Но строчить очередями в густонаселённом квартале... Он высунулся на миг и тоже пальнул из пистолета.

Жители ближайшего дома, привлечённые воем сирен, могли наблюдать сюрреалистическую картину: внизу валяются две разбитые милицейские машины, из-за них вдруг донеслась яростная стрельба. Мелькнули пистолетные вспышки.

Две группы ментов расстреливают друг друга во дворе жилого дома? Дожили...

* * *

Широкую улицу Калиновского запрудила милиция. Наверное – добрая четверть личного состава УВД. У самого гастронома суетились люди властного, совершенно немилейского вида. Зона взрыва была оцеплена в два кольца – место происшествия и половина микрорайона Восток-1.

Сквозь оцепление прибывало и убывало начальство. Лишь немногие имели реальную причастность к расследованию. Большинство горкомовских и исполкомовских понаехало, только чтобы зарисоваться, показать личную заботу о советских гражданах. Мол, не сидели в стороне, бдили и радели.

Лёха, сидя на скамейке возле пятиэтажки, размял сигарету промёрзшими пальцами.

– Пробежимся по району?

– Сиди уж. Очередное начальство притащится, будет спрашивать: «А где? А почему?»

Лёха крутнул мёрзнущей головой. Шапка потерялась в дебрях гастронома. Наверное, ужеполнила коллекцию вещдоков. И вопросы начальства отнюдь не согревали.

«Вы установили личности всех свидетелей и потерпевших, покидавших место взрыва?»

«Вы приняли меры к охране места происшествия?»

«Зачем вы вошли в помещение до прибытия взрывотехников?»

«Какие вы проводили профилактические мероприятия по предотвращению несчастных случаев в местах скопления людей? Рапорт с объяснением – мне на стол!»

– Выговор или увольт?

– Выговор, – вздохнул умудрённый опытом капитан. – Наказывать тебя вроде как не за что. И меня. А наказывать надо. Три трупа!

– Четыре трупа... Слышал – кассирша умерла в больнице. От ранений и компрессионной травмы. Женщина-покупатель и два грудных ребёнка.

Естественно, руководство думает не только об установлении обстоятельств, но и о прикрытии задницы. Сейчас место происшествия напоминает киношный павильон для съёмок детективного сериала, горят прожектора. Трупы убраны.

Лёша закрыл глаза.

Недавно сцена выглядела иначе. Потому что были раненые, ползавшие по телам в попытках найти своих, опознать хотя бы по одежде, по сумкам, вытащить наружу – вдруг удастся спасти... Рвал на себе волосы мужик из сорок восьмого дома... Жена его минут десять находилась внутри, погребённая под молочными и кефирными бутылками с рухнувшей витрины. От пожара надыхалась отравы, сейчас в больнице, в коме. И вытянут ли её врачи – никому не известно.

Вот и сходили за колбасой.

Было заметно, что у капитана руки по-прежнему дёргаются, хоть столько уже жмуров повидал – и висельников на детских спортплощадках, и утопленников в озере у «Трудовых резервов», и «подснежников» после таяния зимних сугробов, и от домашних разборок. Как бы ни зачерствел, его всё равно пробило.

– Гаврилыч, леденцов хочешь? Я в гастрономе пачку стянул.

– Давай.

Они рассыпали леденцы по карманам и принялись сосать их как дети, думая о своём, вполне взрослом.

– Лейтенант, кончай хреном груши околачивать, – вырвал Лёху из размышлений голос Папаныча, начальника отделения уголовного розыска, непосредственного босса. – Руки в ноги и топай по квартирам. С людьми своими поговори, кто у тебя на связи в районе. Завтра отпишешься. Чем больше бумаги, тем чище зад, понял? Заодно готовь себе мыло и верёвку.

Опер обречённо склонил голову – что уж не понять-то, особенно про мыльно-верёвочный набор.

– Как вопрос формулировать? Что вы знаете о террористическом акте в гастрономе?

Папаныч хватанул его за грудки и встряхнул.

– Думаешь шутки шутить, падла?! Полслова брякнешь мимо кассы – урою! Запомни! Был взрыв карбида в ацетиленовом генераторе, несчастный случай, ложная тревога, серьёзно пострадавших нет, слухи о погибших – клевета. Усёк, бестолочь?

– Я прослежу, – пообещал Говорков.

Затем участковый поплёлся за дом, в том самом направлении, куда собирались до взрыва. Лёха пристроился рядом, как привязанный.

В тёмно-серой пятиэтажке унылого хрущёвского стиля уже в первой квартире оперативника и участкового послали по известному адресу. Оказывается, два раза за вечер ходили спрашивать о взрыве, вы третьи. Или там что-то вправду серьёзное?

– Нет-нет, неисправный сварочный баллон, витрина побилась, – соврал Лёха и дал задний ход. На улице зло бросил капитану: – Начальства здесь крутилось больше, чем нормальных людей. А о координации не договорились.

Участковый иронично поднял бровь. Мол, ожидал чего-то другого?

– Лёха, вверх пошли, к трём столбикам. Там в доме 54-3 толковый мужик живёт. Побазарим.

У подъезда «столбика» крутились знакомые лица – опера из МУРа. Старший по особому важному, у которого Лёша проходил стажировку на последнем курсе в Высшей школе МВД, опознал воспитанника и сочувственно спросил:

– Твоя земля? Ну, крепись, браток. Всё, что нас не убивает, делает сильнее.

– Понял я. Выживу – пойду работать вместо автомобильного домкрата. Сильный же буду? – Он взъерошил грязные волосы в кокетливом блеске снежинок.

– Кончатся выходные, Алексей, выпишут тебе орден святого Ебукентия с закруткой на спине, и заходи в спортзал УВД. Неделю уже прогуливаешь.

– Если отстранят, на турнике крутись хоть сутки напролёт! – эти слова он произнёс в тёплом подъезде, где слушателем был один Говорков.

Тот не замедлил отозваться.

– Раз городские трутся, они и здесь наверняка опросили. Но им не всё скажут. На восьмом один нормальный мужик живёт, торгаш. О котором я тебе говорил.

– Так нормальный мужик или торгаш?

– Знаешь, среди спекулей тоже нормальные попадают, – Гаврилыч вызвал лифт. – Если и крутит, то края видит. С понятием человек. Помню, купил он «Жигули» новейшей модели, ВАЗ-2106. Наверное, одна из первых в Минске. На четверть часа около дома оставил, выходит: нет ни магнитолы, ни запасного колеса, на двери выцарапано слово из трёх букв. Если бы просто обворовали – понятно, много сейчас желающих машину раздеть. Чаще залётные, их искать – что грибы на асфальте собирать. А вот слово из трёх букв – точно дело рук местного хулиганья. Я вычислил их за день. И колесо с магнитолой вернули, и родители денег дали на покраску двери. В общем, Бекетов мне на опорный принёс электрическую пишущую машинку «Ятрань». Бесплатно, передачей с баланса на баланс. Начальнику РОВД стуканули, он тут же велел её забрать и себе в приёмной поставить.

– Натрави мелких, чтоб ещё царапнули. Будет вторая пишмашинка.

– Вряд ли, – участковый снял шапку, обнажив несминаемый седой ёжик на макушке, и промокнул влагу платком. – Бекетов гараж купил. У кладбища. Чаще туда отгоняет. Раньше лень ему было.

Лифт остановился. На лестничной площадке, тесной, Лёша заметил, что одна дверь приоткрыта, внутри горел яркий свет.

– Можно, Евгений Михайлович?

Капитан двинулся вперёд, опер шагнул за ним и почувствовал неловкость. В зеркале, занимавшем половину стены прихожей, отражались оба вошедших. Лёша увидел себя и участкового словно со стороны. Невысокий пожилой капитан с тоскливым выражением на лице, в потёртой шинели, само воплощение долгой, но не слишком удачной карьеры. Рядом – парень немного выше, в куртке мешком, с распухшим от соплей курносый носом, озябшие руки оттянули карманы.

– Ваши всё уже записали. Но – проходите. Теперь чего уж там...

Глянув мимо крупной, представительной фигуры Евгения Михайловича, Лёша увидел женщину лет шестидесяти в чёрном платке. Она шагнула в прихожую и начала завешивать это зеркало.

С нехорошим предчувствием опер проследовал за капитаном, не раздеваясь, в зал. Тот ослеплял стандартным советским шиком: дорогим цветным телевизором «Рубин», югославской стенкой с набором хрустальной посуды внутри, хрустальной же люстрой на потолке, коврами на полу и на стене. Но богатство не принесло счастья обитателям этого нескромного жилища.

В центре стола возвышался небольшой фотопортрет в рамке, перехваченный чёрной лентой. Милое женское лицо, совсем не старое. Теперь – мёртвое.

– Не шумите только, – добавил Бекетов. – Я Гришу уложил, пока тёща не пришла. Пусть поспит последнюю ночь, не зная, что его мама...

Голос дрогнул. Мужчина не рыдал, не заламывал руки, был бледен и спокоен, между фразами блеклые губы сжимались в линию, у широких скул перекатывались желваки. На чисто выбритом лице краснел свежий порез.

– Так вы... – догадался Лёша.

– Побывал в треклятом гастрономе. Потому что София упёрлась – ма-а-ма придёт, нужен майонез на салатик. Майоне-ез! – название продукта он произнёс как ругательство, и лейтенант подумал, что человек сейчас сорвётся. Но тот судорожно сглотнул, отчего кадык дёрнулся над воротом зелёной футболки, и взял себя в руки самым буквальным образом – обхватив ладонями плечи. – Сходил бы я сам, но она не согласилась – вдруг не то возьмёшь! Я – с ней, боялся – толкнул. Она два месяца лежала в седьмой на сохранении... Два месяца лежала...

Лейтенант и капитан украдкой переглянулись. Значит, в семье Бекетова оборвалась не одна – две жизни. И порез на лице не из-за бритвы.

– Евгений Михайлович, не знаю, что сказать. Может, вам чем-то помочь?

Вдовец мазнул взглядом по лицу участкового.

– Бытовые вопросы решу сам. Сам. От вас нужна одна помощь – найдите убийцу.

– Нам сообщили, что просто взорвался баллон, оставленный сварщиками... – начал Лёша и примолк, чувствуя, что молотит чушь.

– Да, так решено сообщить. В газетах не будет ни слова о жертвах, чтобы избежать пересудов и паники. Но эксперты нашли остатки электронного устройства. Возможно – от дистанционного взрывателя. И вообще, сварочные баллоны сами по себе не взрываются. Если бы случилась утечка ацетилена, там бы воняло хуже, чем в сортире. Я был в магазине – никаких особых запахов.

Вот почему Папаныч так взвился, когда я брякнул про теракт, догадался Лёша.

– ...Это был террористический акт, – припечатал Бекетов. – Погибла моя жена и нерождённый сын. КГБ ищет. Но если они не найдут виновного, дело спустят на тормозах. Есть же официальные ответственные – сварочная бригада, оставившая баллон с карбидом в торговом зале, и заведующая, допустившая торговлю при наличии небезопасного соседства.

– А подрывник, уверившись в своей безнаказанности, совершит новый теракт, – подлил масла в огонь Говорков.

– Да! В КГБ, конечно, работают профессионалы. Но – слишком высокого полёта. Вы ближе к земле, знаете местность, людей. Наверняка что-то раскопаете быстрее. Если от меня нужна какая-то помощь... Гаврилович, вы в курсе.

– За предложение помощи – спасибо, – согласился Лёша. – Пока она нужна только в одном. Вы – человек заметный, мне капитан сказал. Получается, зашли в торговый зал, и кто-то нажал кнопку портативного передатчика. Хотели убить персонально вас, замаскировав под теракт?

Бекетов отрицательно дёрнул головой.

– У меня нет врагов. Во всяком случае – таких, кто хотел бы меня убить.

Их разговор прервал заспанный мальчишка, вышедший из спальни.

– Папа! Я есть хочу. Мамины котлетки ещё остались?

Отец постарался закрыть собой портрет с чёрной полоской.

– Идём на кухню. Конечно, сынок, сейчас покушаешь.

Не прощаясь с ним, оба офицера попятились в прихожую, а оттуда к лифту.

– Гаврилыч! Представь, каково это – кормить ребёнка котлетой, зная, что женщина, их нажарившая, лежит в морге и больше никогда ничего не приготовит?

Тот только шинельными плечами пожал. Что на это скажешь...

Глава 4

На прощанье Марьсергевна шепнула: где комитет комсомола университета знаешь, заходи.

Егор с готовностью кивнул, хоть понятия не имел, где находится сам университет. Ровно так же не представлял местонахождение общежития и лихорадочно соображал, как выяснить. Отколоться от спутников, спросить у прохожего, где БГУ, там наплести о поисках родственника, получившего койку в студгородке...

– Пошли, что ли? – спросила Варя. – Ты же на Машерова живёшь в общежитии номер четыре, где и все иногородние юристы? Точно! Я тебя видела. Как-то не обратила внимания.

– А сама ты – с юрфака?

– С филфака. Только не говори, что не знаешь комнаты филологинь на четвёртом этаже. Ваши постоянно туда бегают, когда свербит.

– Пошли.

Они помахали остальным членам группы и направились на противоположную сторону Привокзальной площади, отмеченной двумя высокими прямоугольными башнями в типичном стиле сталинского ампира.

– Пешком?

– Если ты великий спортсмен, то можешь и пешком. Я девушка хрупкая.

Егор мигом отобрал у неё пакет с московскими покупками, нетяжёлый. Вообще-то, он чувствовал какую-то непривычную лёгкость в новообретённом теле, оно находилось в лучшей форме, чем прежде.

– Ну, поехали.

– Только надо вспомнить, какие троллейбусы идут на Немигу. Проспект раскопали. Вот построят метро – добираться будет легче.

Егор как губка впитывал каждое слово. Немига? Метро?

В прошлой жизни достал бы смартфон и мигом восполнил пробелы, узнал, где университет и юрфак, зашёл бы на сайт юрфака и вычислил свою группу, нашёл однокурсников в соцсетях... Без интернета остался всё равно что слепым.

Слепые развивают оставшиеся органы чувств. Настолько, что практически «видят» ушами. Он же мучается без трубы и доступа в Сеть менее суток. Не приспособился.

Спутники по московскому вояжу были почти не знакомы раньше, прежний Егор если и пересекался с ними по комсомольской работе, то эпизодически. Всё равно обратили внимание на замкнутость и молчаливость. Лишь Мюллеру перемена в нём пришлась по душе.

А в своей группе? Он не знает студентов в лицо и по имени, хоть вместе как бы пятый год. Тот Егор был «комсомольский вожак», то есть массовик-затейник общественных мероприятий. Новый Егор не знает номера группы. Преподавателей в лицо. Аудиторий для занятий. Инопланетянин!

Что-то, конечно, выхватит из случайно оброненных фраз. Но на прямой вопрос об общеизвестных вещах или вообще не даст ответа, или сморозит чушь.

Сели в троллейбус.

– У тебя есть талончики? У меня кончились. Давай мелочь, передам водителю.

По случаю раннего утра салон был почти пустой, холодный. Пар от дыхания замёрз на стёклах, сделав их непрозрачными. Зато минский транспорт оказался дешевле московского метро, талончик стоил 4 копейки. И, конечно, очень удобно, что российские рубли не нужно менять на белорусские. Советский рубль – как евро, одинаковый на большом пространстве.

Варя метнулась, прокомпостировала талончики, один отдала Егору.

А его осенила идея.

Варя в 1981 году – как рыба в воде. Его прежнего почти не знает. Она – неоценимый кладёзь бытовой информации.

– Слушай... Что ты вечером делаешь?

– Ну как же... – изумилась она. – В 19:30 по первому каналу «Джентльмены удачи». Ну? Лошадью ходи! Пасть порву, моргалы выколю! Ладно. Беспомощный ты какой-то, выручу. Настюхе «Рекорд» привезли. Старый, чёрно-белый, но показывает. Придёшь?

– А удобно?

– Если девушки зовут, всегда удобно! – Варя на холоде разругнулась и стала даже ничего. Особенно если переодеть, снять ужасную розовую беретку, а мышино-серое драповое пальто поменять на элегантную куртку.

– Номер комнаты?

– Четыреста четыре.

– Приду.

Они поболтали о вещах отвлечённых, о книжках и фильмах. Тема безопасная. Если бы Егор назвал что-то, вышедшее после 1981 года, всегда есть оправдание – ты не читала или не смотрела, ну так обрати внимание. Тем более, в СССР были недоступны масса фильмов из голливудской классики 1960-х и 1970-х годов. Он упомянул «Кабаре» с Лайзой Миннелли и вестерны с Клинтом Иствудом – «За пригоршню долларов», «На несколько долларов больше», «Хороший, плохой, злой».

– Их же не показывали в кинотеатрах! – изумилась Варя.

– Знаешь, есть такая штука – видеоманитофон. У одного знакомого был, тот привёз из-за границы, и кассеты. Подключаешь к телевизору и смотришь.

Она даже рот открыла, впечатлившись.

– То есть не надо покупать билеты в кинотеатр? Или ждать годами, когда покажут по телевизору?

– Именно.

– Хорошо же живут буржуи!

– Благодаря безудержной эксплуатации рабочего класса, – тут же выпалил Егор, тревожно оглянувшись. Вдруг кто-то из пассажиров услышит, достанет удостоверение КГБ и загребёт обоих.

– Ты такой смешной! – захихикала девушка. – Так здорово пародируешь эти скучные речи на политинформациях. Ой! Объявили площадь 8 Марта, выходим.

Под лёгким снежком, болтая, они добрались в общежитие БГУ № 4 на Машерова, 9, пятиэтажное кирпичное здание, несуразно выпирающее на тротуар, выбившись из ряда более современных столбиков. Правда, смотря с чем сравнивать. По сравнению с московской застройкой двухтысячных это не современность, а дремучая архаика.

Пропустив девушку вперёд, как джентльмен, Егор увидел, что она предъявила пропуск вахтёрше и получила взамен ключ. Он тоже достал пропуск, но толстая тётка в меховой жилетке ключа не дала и только зло буркнула:

– Ну? Что уставился? Дрыхнут твои ещё. Не выходили, ключ не сдали.

На пропуске значился 346-й номер комнаты, Варя свернула вправо, Егор, соответственно, влево. Топая по коридору, выискивал глазами лестницу на третий этаж. Навстречу попадались студенты, им кивал, тщательно дозируя радушие: мол, с тобой знаком и здороваюсь, но не настолько, чтоб кидаться на шею с воплем «друган!» или долго трясти руку.

Перед тем, как толкнуть дверь с цифрами 346, на секунду зажмурился... Там пацаны, знающие прежнего Егора как облупленного. В общагах сам не жил, но был наслышан и понимал, что здесь прочерчена очень тонкая грань между «моё» и «общее». Что все в курсе любых дел соседей. Что... А, чёрт с ним, будь что будет!

С таким настроением и шагнул внутрь.

В комнате на четыре койки, по две у правой и левой стены, сутились три парня лет двадцати. Заправленная была только одна, и на ней лежали чьи-то вещи.

– Привет!

– А, наш москвич прикатил, – обернулся толстяк. – Как Москва?

– Не поверишь. Стоит как стояла.

– Что привёз?

– Привёз. Но – вечером. Сейчас помоюсь и убегаю.

– Тебе-то куда? – удивился пухлый. – Это нам протирать жопу на лекции. Ты, пятый курс, дедуешь. На стажировку когда?

– 4 января. Но ещё дела есть.

– Гриня, отстань от Егора, – бросил другой.

Третий промолчал. Он, одетый по-зимнему, деловито совал в портфель книжки и общие тетрадки.

Скинув пальто и шапку на убранную кровать, Егор пихнул динамовскую сумку под неё и снова вышел в коридор. Похоже, сокамерники моложе и собираются на занятия. Удачно. Надо дожидаться их ухода и, оставшись в одиночестве, осваиваться.

С деловым видом и спешащей походкой он двинулся прочь, поставив себе тривиальную задачу: отыскать туалет. Во-первых, пора облегчиться, во-вторых, там проще убить несколько минут, никому не мозоля глаза. Отдельного санузла на блок из двух комнат, как в приличных московских общагах, здесь не наблюдалось.

Туалет по аскетизму сантехники напомнил один общественный бесплатный, виденный в Вязме лет десять назад. Или тридцать вперёд, как считать. Хуже всего, там были только толчки и раковины с единственным краном и холодной водой. Где-то же должен обнаружиться душ... Хотя бы несколько кабинок на всю ораву.

Наручные часы «Луч» показывали восемь пятнадцать. Студенты первой смены свалили на пары. А Егор вернулся в комнату.

Итак, его кровать первая справа. Заправлена аккуратнейше, одеяло натянуто ровно и туго, даже валявшиеся шмотки Грини его не смяли. Егор вытащил сумку, съездившую в Москву, и большой чемодан, достойный размером таджикского гастарбайтера.

Осмотр внутренностей занял довольно много времени.

Больше всего помогли письма матери. Они были сложены в ровную пачку, перетянутую тесёмкой. Толстую. Егор, скорее всего, ей тоже писал часто, потому что многое было ответом на его слова.

Некоторая неловкость, всё же чужие письма, прошла. Теперь это его жизнь, его прошлое и письма тоже адресованы ему.

Оказывается, у него имеется старшая замужняя сестра, живёт там же, в Речице. Замужем, муж пьёт, но «в меру».

Об отце не нашёл ничего, кроме записи в свидетельстве о рождении: отец – Егор Елисеевич Евстигнеев, белорус. Ушёл из семьи, умер или сидит в тюрьме – можно предполагать что угодно.

Переписка с мамой была щемяще-трогательной... Выдав старшую дочь замуж, та массу сил отдала сыну, возлагая на него радужные надежды: учился на отлично, занимался спортом, комсомолец, ждёт большое будущее и т. д.

Егор приуныл. Он не знал, хорошим ли человеком был прежний теловладелец. Иногда за такими, образцовыми внешне, скрываются конченные гниды, лишь притворяющиеся положительными ради карьеры. Но, быть может, этот провинциал и вправду положительный. Из тех, о ком говорил руководитель диплома: готовый рвать из-под себя, выкладываться ради достижения цели и благодаря этому обходить на повороте ленивых и расслабленных москвичей. А также минчан. Если приехавшему из Москвы белорусская столица казалась провинцией, для

районных парней и девчат она была достаточно высокой целью, чтобы обдирать бока, к ней стремясь.

В любом случае соответствовать его поведению не просто сложно. Невозможно. Даже пять минут не выдержать подобную образцовость.

Переписка с мамой оборвалась летом 1981 года. Телеграмма сестры: мама умерла.

Жаль. Но, с другой стороны, проще. Родителей нет. Нужды в общении с сестрой – тоже.

Теперь одноклассники.

Он перебирал толстую пачку фотографий. Егор снимался много – один, с двумя-тремя сверстниками. К сожалению, в отличие от «Инстаграма», комментариев никаких. Подписей – тоже. Кто эти люди?!

Отдельная пачка фото касалась спорта. Рассыпав их по одеялу, Егор не мог поверить глазам. Он смотрел на изображения своего нынешнего тела, облаченного в кимоно и выделяющего трюки, виденные только в голливудских мордобойных боевиках.

Удар ногой в прыжке. Подсечка. Болевой захват. Удар кулаком. Удар коленом в промежность, проще говоря – по шарам. Удар пальцами по глазам. Удар головой в переносицу. Блокирование рукой удара шестом. Удар из переката. Блокирование удара ножом. Удар локтем. Удар ребром ладони по стопке кирпичей, рассыпающихся в прах...

Он почесал затылок. Если парень, освоивший карате на уровне чёрного пояса, действительно завладел его прежним телом в 2022 году, то будет сильно разочарован. А пришелец из будущего ненароком угодил в тело доморощенного Брюса Ли. Даже учитывая, что некоторые кадры постановочные, нет сомнения, обучен тот многому... Только ни черта не помнит.

Егор ощупал кисти рук. Стало понятно, откуда мозоли на костяшках пальцев и на ребре ладони – от миллионов ударов по разным твёрдым предметам.

Только как раскрыть, расконсервировать это умение? На одних рефлексах далеко не уедешь, надо понимать, что и для чего делаешь.

В милиции наверняка пригодится.

А ещё надо принять в расчёт, что карате – это не пистолет, готовый к стрельбе годами и нуждающийся только в периодической чистке. Карате нужно заниматься, если не каждый день, то сколько-то раз в неделю. Задача!

Где и с кем тренировался Егор? И как спортсмены встретят его, напрочь забывшего тактику, правила, методики?

Подумав, он решил: с прежними знакомыми придётся рвать. Искать секцию, где Евстигнеева никто не знает. Вот только и сам он никого не знает в этом городе, чтобы спросить совета. Разве что у Вари узнать: где в Минске делают чаков норрисов?

Очередная фотка похоронила надежду запустить занятия с нуля. На ней был изображён зал, масса народу и довольный как слон Евстигнеев в кимоно на первой ступеньке пьедестала почёта. Бли-ин, если он выиграл сколько-нибудь представительные соревнования, в Минске его опознает любой рукопашник, расстроился Егор. Проще сломать ногу и оставить спорт.

Он добрался до учебников и конспектов. Толстые тетрадки, исписанные аккуратным, почти женским почерком, хранились с первого курса. Книжек было много – со штампом библиотеки юридического факультета, но в основном без него, собственные. Уголовный кодекс. Уголовно-процессуальный. Гражданский. Гражданско-процессуальный. Кодекс законов о труде. Кодекс...

Егор их отложил. Нужно узнать, что сдавать на госах и что понадобится на практике-стажировке. Ну не перечитает он книг за четыре с половиной курса универа! Самые важные по диагонали – в лучшем случае.

Зачётная книжка. «Отл.», «отл.», «отл.»... опа, есть и «хор.» – по особенной части гражданского права, гражданскому процессу, английскому языку. И на солнце бывают пятна.

Комсомольский билет.

Приписное свидетельство.

Вау, сберкнижка! Заведена год назад гражданкой Евстигнеевой для сына Егора Егоровича. Наверное, заранее разделила сбережения между дочерью и сыном, чтобы не цапались. На книжке было... ого! Целых 800 рублей. Предшественник аккуратно снимал по 30 в месяц, ушло 120. 680 в остатке, прибавка к будущей стипендии и даже к первой зарплате.

Нынешний Егор, конечно, не уложится в одну только стипендию. Нет навыков жить экономно. Да и нужно ли себя ограничивать до предела? Скоро же заест тоска от жизни в перво-бытных условиях, тем более – без интернета, смартфона, приставки, клубов, с ездой на троллейбусе за 4 копейки, а не рассекая на «Хонде Аккорд».

Перебрал гардероб, где нашёлся тщательно выглаженный костюм с галстуком и набором светлых рубашек. Естественно – куча спортивного. А вот чего-либо для соседей по комнате в сумке не обнаружил. Или примерный комсомолец был конченным жмотом, или намеревался отовариться в «Елисеевском», где вместо покупок только тарачился в зеркало.

Егор запер комнату и отправился искать продовольственный магазин. Надо же купить какую-то мелочь, без неё неудобно идти в гости к филологиям. Чего-то вкусного, выдаваемого за гостинец из Москвы. Заодно самому решить продовольственный вопрос – где, как и за сколько питаться, не имея ни кредитной карточки, ни скидочной для фудкорта.

Один гастроном он заметил по пути от автобусной остановки до общежития. Именно там в очереди он невольно подслушал разговор двух бабушек о страшном взрыве накануне на Калиновского и «сотнях погибших».

Вот в какой спокойный город он приехал.

Не дай бог его самого приткнут к расследованию подобного дела.

Внутренний голос ехидно заметил: а запросто.

* * *

Порог Первомайского РОВД Лёха переступил в виде образцового оловянного солдатика: в парадной форме, начищенный, выбритый и отутюженный.

Его сосед по кабинету Василий по прозвищу Вася-Трамвай явился ещё раньше, сияя белой рубашкой и блестящими погонами. Оба были не в восторге от парадности. Служба в розыске приучает не афишировать на улице принадлежность к милицейскому ведомству, отчего Лёхе сходил с рук его басурманский имидж с щетиной и курткой, словно отобранной у бомжа. Впрочем, куртка нуждалась в ремонте и стирке после случившегося в гастрономе. А факт нахождения опера в гражданке, когда должен был изображать уличного милиционера, не остался вчера без внимания городского начальства, искавшего любой повод для «оргвыводов».

К тому же на этот день им выпало дежурство в усиленном варианте, то есть вдвоём.

– Тридцатое декабря, – уныло бросил Василий, перелистывая настольный календарь. – На гражданке люди уже к Новому году готовятся. Вечером по первому каналу покажут «Джентльмены удачи». А тут – дежурство, сиди как пень в райотделе до утра. Отвечай на дурацкие звонки «алло, милиция?» или носись по вызовам.

«Трамваем» Лёхиного напарника звали отнюдь не за богатырское телосложение, под стать многотонному транспортному средству. Василий, наоборот, был ростом невысок и фигурой тщедушен. На одной из первых самостоятельных вахт он надежурил труп. Человек, явно отравленный, сел в вагон на первомайской территории, там же ему стало плохо. Вася, забив на раскрытие, потратил полдня, чтобы доказать: потерпевший окончательно дал дуба, когда трамвай громыхал уже по Советскому району. По правилам, когда место преступного посягательства неизвестно, «глухарь» со жмуром виснет по месту смерти, в данном случае доставив головную боль уголовному розыску соседнего Советского РОВД.

– В ленкомнате телевизор есть. Если не выдернут на происшествие, глянем.

– Хорошо смотришься! – оценил его вид Василий. – Подмылся, подбрислся. Наверное – исподнее чистое надел. Если залюбят тебя до смерти, чтоб сразу в этом и похоронили.

– И тебе доброе утро, приколист.

Лёха повесил шинель в шкаф. Из зеркала на него глянула физиономия, далёкая от лучшего состояния – бледная от недосыпа и волнения. Да и в промежутках между неприятностями, у оперов всегда недолгими, он совсем не годился на амплуа театрального героя-любownika. Слишком худое лицо, зауженное в нижней части так, что о подбородок можно уколоться, было украшено редкими тёмными усами. Серые глаза никак не желали отсвечивать стальным блеском и несокрушимой уверенностью. Чёрные прямые волосы Лёха всегда стриг коротко – отпущенные на свободу, они норовили разбежаться в непредсказуемые стороны. Между подбородком и узлом галстука нервно дёргался острый кадык.

«Зато уши не торчат», вспомнил он мамино утешение и отправился к столу, чтобы привычным движением открыть сейф с папочками документов о нераскрытых преступлениях, при виде которых хотелось взвыть дурным голосом. Полюбоваться на картонное великолепие не успел, репродуктор внутренней связи оповестил о скором начале пятиминутки.

Речь держал сам начальник РОВД, явно уже накачанный в горууправлении по самое не могу. Говорил он путано, отрывисто, не так как обычно, потому что призывал к бдительности и интенсивной работе, не имея права откровенно признаться при всех: у нас на районе теракт с четырьмя трупами и полусотней пострадавших, настоящий преступник не известен и не схвачен, и это полный шиздец, товарищи офицеры. Ограничился лишь упоминанием обо всем известных обстоятельствах: сварщик, оставивший в людном месте заряженный карбидом ацетиленовый генератор, и заведующая магазином задержаны. Прокуратура возбудила уголовное дело о нарушении правил техники безопасности и должностной халатности.

– Суд, а он когда-нибудь состоится, пройдёт в закрытом заседании, населению про трупы не полагается знать, – шепнул Вася-Трамвай.

Лёха согласно кивнул, слушая начальника РОВД, напоминавшего об обязанности милиции пресекать ложные слухи о погибших.

Затем выступил замполит с причитающимся ему оптимизмом – о социалистическом соревновании и о передовиках минской милиции, на которых нужно равняться всем. В качестве положительного и в данную минуту недостижимого в своём совершенстве примера майор привёл подвиг экипажа из охраны Советского района. Милиционер-водитель на Иж-412, умело применяя вверенную технику, преследовал и загнал в тупик УАЗ преступной группы (в зале раздались недоверчивые смешки), где задержал злодеев с применением табельного оружия, причём применение признано законным, что означает – применять его нужно, но только с соблюдением инструкции по применению, а не так как у нас применялось в прошлый раз...

– Если не уволят на фиг, попрошусь перевестись в охрану, – тихо пробормотал Лёха.

– Я бы лучше в ГАИ, – так же тихо ответил Вася-Трамвай. – Мне в кадрах рапорт показывали. «В связи с трудным материальным положением прошу перевести меня в ГАИ».

– В ГАИ оклады такие же.

– Оклады – да. А материальное положение лучше.

Пятиминутка уложилась в положенный час, закончившись обычной раздачей кнотов и пряников при явном дефиците вторых. Папаныч мотнул лысой головой – пошли, мол, выразительно глядя на группу оперов с напоминанием, что сейчас будет продолжение заседания. А к раздаче пряников добавится вишенка на тортике. Он же первым просеменил из ленкомнаты на лестницу, ведущую на второй этаж, уверенный, что паства непременно подтянется следом.

Начальника Первомайского угрозыска звали Папанычем не за сходство с Анатолием Папановым, а за любимую фразу, заимствованную у Лёлика из фильма «Бриллиантовая рука»: бить буду аккуратно, но сильно.

Кабинет Папаныча, увешанный кубками по боксу времён молодости обитателя помещения, вместил оперов отделения и гостя, представительного мужика при костюме и галстук.

– Знакомьтесь, парни. Виктор Васильевич Сазонов из Управления КГБ по Минску и Минской области.

Кто-то в лесу сдох, догадался Лёха. Чтобы такой весь из себя важный чин из «комбината глубинного бурения» заявился к младшим братьям по разуму, да ещё к конкурентам... О вражде министра внутренних дел СССР Щёлокова и председателя КГБ Андропова сплетни долетали даже до районных отделов, накладывая печать на взаимоотношения между службами.

Гэбист, в отличие от бестолкового замполита, говорил кратко и по существу, не повторяя через раз слово «применение».

– ЧП в гастрономе можно списать на несчастный случай в результате халатности. Но есть два обстоятельства, свидетельствующие о злом умысле. Во-первых, наши эксперты в один голос говорят: закрытый баллон с ацетиленом сам по себе не загорится и не взорвётся. Только от сильного нагрева. Но в торговом зале было не жарко. Постоянно открывалась входная дверь, до батареи отопления больше пяти метров. Во-вторых, под обломками найден фрагмент карманного радиоприёмника «Селга». При наличии познаний в электронике достаточно перестроить контуры приёмника на частоту, на которой не ведётся радиовещание, и присоединить взрыватель к динамику. Маломощный передатчик, способный активировать взрывное устройство, по размеру не больше трёх-четырёх пачек папирос «Прима», если расстояние невелико. Например – до пятидесяти метров. Пока мы не разберёмся досконально, расследование не закончится.

– Ваша епархия. Мы к антитеррору отношения не имеем, – пожал широкими плечами Папаныч.

– Районная милиция имеет отношение ко всему, что происходит на её территории и нарушает общественный порядок, – возразил Сазонов. – Поэтому госбезопасность обращается с просьбой о помощи в поиске любой полезной информации. Вы больше осведомлены о местных условиях и имеете лучший контакт с населением, – он набрал воздуха, собираясь с духом, и удивил признанием: – Мы рассчитываем на ваше участие, товарищи офицеры, несмотря на сложные отношения между нашими организациями. Обещаю: каждый, добывший полезную информацию, будет поощрён. Связь через товарища капитана, – он кивнул на Папаныча. – У меня всё.

За гэбистом закрылась дверь. Начальник розыска проводил его недовольным взглядом. Затем обернулся к своим.

– Давидович! Твоя же земля?

– Так точно, – кивнул Лёха.

– Скажи спасибо, что преступление зарегистрировано не по линии УР. Взьё... взгреют только Говоркова.

– За что?

– Участковый отвечает за всё на своём участке. Вы заходили в магазин до взрыва?

– Так точно. Колбаски прикупить, пока толпа не налетела.

– Мясоеды, мать вашу... Говорков обязан был посмотреть, что за хрень в людном месте стоит. Теперь поздно жалеть. Слушайте. Про поощрение от КГБ – это в пользу бедных. Милиция раскроет и получит «спасибо, иди в жопу», сами нагребут ордена и звёзды на погоны. Поэтому, если вдруг нароете полезное, сначала дуйте ко мне. Я решу, как использовать. Всем ясно? Занимайтесь обычными делами. Теракт – не повод откосить от раскрытия краж из подвалов и магнитол из машин. Свободны!

Едва только выйдя в коридор, Лёха услышал по соседству характерный грохот двери, открытой ударом человеческого тела. Метрах в десяти из кабинета начальника отделения по борьбе с хищениями социалистической собственности вылетел Дима Цыбин, в своё время

одногоруппник по школе МВД. Тот выглядел мученически, словно на ковре у начальства был подвергнут самому изощрённому половому насилию. Светлые глазки подрагивали, а выражение лица вызывало ассоциации с верным мужем, застигшем у жены любовника, к тому же избитым любовником в кровь и вопрошавшем: за что мне такое...

– Дима, что у вас?

– Да как всегда, – отмахнулся опер из службы, обычно считавшейся наиболее благополучной. – Новый год завтра, а необходимо, хоть сдохни, выявить преступление по линии розничной торговли или обслуживания населения.

– Или? – начал догадываться Лёха.

– ...Или наш отдел ОБХСС в годовой отчётности будет выглядеть хуже, чем Советский или Партизанский, за что мой фюрер отблагодарит по полной. Знаешь, как скверно, если с тобой в отделе трудится активный пидарас, и он – твой самый непосредственный начальник? – Дмитрий выразительно провёл ладонью по собственной джинсовой заднице, намекая на её секс-страдания, пусть даже – сугубо моральные. – Не ценишь судьбу, Лёша. Ваш Папаныч – ангел без крыльев по сравнению с нашим... гм... крылатым.

Глава 5

Гриня вернулся первым с занятий. Пока разувался, Егор его спросил:

– Слушай, я в Речицу на Новый год не поеду. Мама умерла, смотреть на мужа сестры тошно. Как в общаге Новый год встречают?

– Ну, мы соберёмся с нашим курсом. Отметим.

Ответ был не слишком развёрнутым. Егор решил поднажать.

– Я вот тут сухой колбаски привёз из Москвы. Думал – к Новому году, в своей комнате. Знаешь же, у меня в своей группе отношения не со всеми хорошие. Считают зубрилой...

Он шёл по тонкому льду. Но, в случае чего, Гриня вряд ли знал о деталях взаимоотношений на старшем курсе. Оказалось – знал.

– Хочешь начистоту? – Студент сидел на койке напротив, покачивая в руке ботинок с налипшим снегом. Мелкие, глубоко посаженные глазки на одутловатом лице смотрели прямо и довольно жёстко. – Стукачом тебя считают. Откажешься пить, мол – великий спортсмен, режим и всякая такая фигня, потом настучишь в деканат или комитет комсомола: кто сколько пил, какие песни горланил. Никого пока не отчислили, и то хорошо, но стипендии по твоему доносу лишали. Рыло после этого не начистили, потому что каратист-супермен, да и связываться не хотят. Ты никогда не думал, почему на пятом курсе тебя поселили с нами – с третьим? Так что бери свою колбаску из Москвы и катись с ней... куда-нибудь.

– Ты прав. Репутация именно такая. На самом деле всё несколько иначе, но не буду убеждать. Скажи, мне исчезнуть на Новый год, чтоб вам не мешать?

– Как хочешь. Мы всё равно пойдём на второй этаж. А потом в Мраморный зал.

– А Татьяна?

– Мне почём знать? Девка видная. Но ищет принца, а не приезжего из района вроде тебя.

Знать бы ещё, что это за фифа, о которой знают студенты с других факультетов и даже сосед-третьекурсник, сделал себе заметку в памяти Егор. Имя очень распространённое, но все моментально врубаются, какая Татьяна имеется в виду.

– Сам такой.

– Да, я из Лунинецкого района, – не стал спорить Гриня. – Поэтому не замахиваюсь на мисс БГУ. Получу должность зам прокурора района, и все мисс Лунинец мои. Поверь, там встречаются вполне аппетитные.

Информация оказалась ценная. Егор вытянул из тумбочки кольцо сухой колбасы с содранной оболочкой Минского мясокомбината № 3. Отхватил сантиметров десять и кинул Грине, поймавшему кусок на лету.

– Не по поводу Москвы и даже не по случаю Нового года. Просто – угощайся. Не бойся, никому не скажу, что ты взял её из рук главного стукача универа.

– Да я без комплексов, – Гриня тотчас отхватил зубами ломоть. – Ум-м-м, вкусно! В Минске такой не бывает. Спасибо!

Подготовленный, Егор легче себя чувствовал, когда пришли остальные. Они настороженно относятся к доносчику – тем лучше. Нет необходимости общаться с ними плотно и душевно.

Неожиданность нагрянула извне. Она материализовалась в виде физиономии, всунувшейся с коридора и объявившей:

– Евстигнеев! К вахтёрше! Там тебя из деканата ищут.

Он покорно поплёлся на первый этаж.

Дежурная бабища, хамившая утром из-за безобидного вопроса о ключе, придвинула ему трубку с такой брезгливостью, будто та была обмазана дерьмом.

– Егор?

– Да.

– Почему не доложилась?

Голос абсолютно незнакомый, как и всё впервые виденное-слышанное в этом мире.

– А надо было?

На том конце провода аж поперхнулись.

– Завтра в девять утра по прежнему адресу.

– Какому адресу?

Ответом была довольно долгая пауза.

– Договоримся иначе. В девять утра на ступенях Дворца спорта. Я сам приеду за тобой.

– Понял. До завтра.

Он положил трубку, стараясь не смотреть на вахтёршу.

Открылась ещё одна непонятная сторона жизни донора тела. Кто звонил? Голос непре-
рекаемо уверенный. Такой может быть у председателя комитета комсомола или кого-то даже
повыше.

Встретиться придётся. Вряд ли «человек из деканата» добровольно отлипнет. И почти
наверняка обладает рычагами давлениями, чтобы испортить жизнь примерному отличнику.

И как грозовая туча на горизонте, пока ещё не над головой, нависала перспектива прак-
тики. Там, где не только мелкие домушники, угонщики да хулиганы, но и взрывы с большим
числом человеческих жертв. Необходимость влиться в чуждую милицейскую среду, а по срав-
нению с ментами тот же недружелюбный Гриня – просто брат родной.

Так скоротав время до вечера, а чтоб не терять его зря, Егор начал штудировать кодексы,
он в начале восьмого прихватил купленные в минском гастрономе «московские» зефирки без
наклеек и направился на четвёртый этаж.

– Один пришёл? Нас же четверо!

Претензию шутивно-игривым тоном заявила фигуристая девица, очень туго затянутая в
джинсы и чёрный «гольф». В момент появления Егора она по-хозяйски крутила ручки теле-
визора со смешным стеклянным экраном, то есть была упомянутой Настюхой. Низ её силуэта
украшали босоножки на шпильках. Верх же был, скажем мягко, несколько проще остального.
Рыжие кучеряшки, уложенные в стиле «взрыв на макаронной фабрике», обрамляли круглую
мордашку с замазанными кремом, но всё равно заметными веснушками. Что ни говори, а вес-
нушки под Новый год – это солнечно.

– Думал, к красавицам и так мужиков набилось, куда ещё. А я с третьекурсниками живу,
мелкота.

На него уставились ещё две пары глаз. Варя на правах старой знакомой представила
соседок. Милые и очень простые сельские девицы, они говорили по-русски с очень заметным
белорусским акцентом, зачастую вставляя «деревенские» слова. Рыжая на их фоне смотрелась
рафинированной.

Сама Варя была в спортивном костюме, очень выгодном: она и выглядела неплохо, и в то
же время не казалась обряженной специально к приходу мужика, как Настюха с её каблуками.

– Ты – тот самый Егор-каратист?

Примерно представляя, как выглядит киношная каратешная стойка, тот, отложив на
койку коробку с зефирками, развёл ноги в стороны и выкинул вперёд кулак.

– Кий-я-а-а-а!

Получилось неожиданно круто. Рука с невероятной скоростью улетела вперёд и верну-
лась на исходную. Если бы на излёте кулака там находился чей-то нос, то на лице вместо выпук-
лости образовалась бы впадина.

Обладательница телевизора обрадованно хлопнула в ладоши и шагнула к гостю, пощупав
бицепс.

– С тобой, Егор, не страшно ходить по тёмным улицам. Никто не пристанет.

– Я пристану.

Ответ понравился всем. Одна из филологинь метнулась ставить чайник. К началу фильма уже разлили чай и разобрали зефирки. Егор причитающуюся ему уступил Варя, заслужив благодарный взгляд.

Наконец после документального фильма о знатных хлеборобах Краснодарского края возникла заставка «Мосфильма» с мужиком и женщиной, соединившимися в неудобной позе, никакой Камасутрой не предусмотренной.

Девочки притихли, даже чай отставили, а затем вдруг прорвало. Они наперебой выкрикивали реплики персонажей за миг до того, как их произносили артисты:

– Автомашину куплю с магнитофоном, пошью костюм с отливом – и в Ялту!

– Я злой и страшный серый волк, я в поросятах знаю толк! Р-р-р-р!!!

– Ты куда шлем дел, лишенец?

– Какой хороший цемент – не отмывается совсем.

Некоторые из этих фраз, вроде: «Кто ж его посадит?! Он же памятник!», Егор слышал хотя бы краем уха. Наверное, некоторые перлы из сценарного текста начали жить своей жизнью, независимо от фильма, который посмотреть не довелось, как и большинство из советской классики. Исключение составлял «Ирония судьбы, или С лёгким паром». Всякий раз, когда Новый год отмечали с маминими родителями, бабушкой и дедушкой, его пересматривали непременно. Где те времена... Бабушка жива, она в Воронеже, отказавшись переехать в Москву. А уж теперь он её точно не увидит. Разве что украдкой из-за угла – моложе на 40 лет.

А ещё «Иван Васильевич меняет профессию» с бессмертным: «Алло, милиция? Всё, что нажито непосильным трудом...»

– Ты о чём-то задумался? – толкнула его локтем Варя. – Тебе не нравится?

– Ну что ты! Просто вспомнил, как смотрел его первый раз, с мамой в Речице. Тогда тоже своего телевизора не было, ходили к соседке.

– Понятно... – кивнула Варя и тут же радостно заголосила: – Лошадью ходи, век воли не видать!

Впитывая киношную одиссею Доцента, Егор ощутил нечто вроде дежа вю. Понимание созрело, когда Леонов заходил в мужской туалет в женской одежде. Настюха тогда заметила: классные чулки у Савелия Крамарова. А ведь насколько история похожа на его собственную! Тоже вынужден вживаться в чужой образ, почти ничего не зная о предшественнике. Надо сказать, директор дедсада в роли Доцента, по замыслу авторов фильма, придумал классную отговорку: в поезде с полки упал, тут помню – тут не помню. И здесь провалы в памяти появились именно после железнодорожной поездки в Москву... Объяснение паршивое, но хоть какое-то. Лучше, чем ничего, если припрут к стене.

Когда фильм закончился, и по экрану вместо привычной Егору рекламы потекли какие-то пейзажи, заполняя паузу до следующей передачи, Настя спросила:

– Бежишь? Или посидишь с одинокими красивыми?

– Красивых вижу, про одиноких не верю... Посижу!

– Дзеўкі па вечарах песні спяваюць пад гітару, – добавила Ядвига, третья обитательница комнаты, единственная в очках, придававших ей строгий вид. Увидев недоумённый взгляд парня, сжалилась: – Девки по вечерам поют под гитару. Ты же учил в школе белорусскую мову!

– В школе развивал уже студенческий навык: выучил-сдал-забыл. Память не безразмерная.

– Матчыну мову?!

– Мама у него по-русски говорила, – вступилась Варя. – Не чапляйся к хлопцу. И так едва его заманила – на телевизор. Сбежит – сама ищи следующего.

Девушки дружно засмеялись, а четвёртая, её звали Марыля, самая миниатюрная из филологинь, сняла со стены шестиструнную гитару с наивным розовым бантиком у колков грифа.

Пели они вчетвером звонкими голосами в одной тональности – «Под музыку Вивальди» Никитиных, «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались» Митяева и прочий студенческо-костровый репертуар.

– Егор всё это сам в агитбригаде поёт, – заметила Настюха после очередного хита. – Выдай нам что-нибудь не из агитбригадного. АББУ!

– АББА – попсовая группа из империалистической страны, где угнетается рабочий класс, – заявил Егор, отметив, как девицы дружно приснули от идеологически правильного заявления. – Я спою песню американского коммуниста Дина Рида.

Он взял гитару, по-детски малогабаритную. Играя в рок-группе, привык к серьёзным электрическим. Естественно, от Дина Рида помнил только его имя. Скажем мягко, не сильно популярный исполнитель для третьего тысячелетия, зато в 1981-м – идеологически подходящий.

Попробовал струны, покрутил пару колков. Третий сорт ещё не брак. Но, скорее, четвёртый. Зато пальцы слушаются хорошо. Гриф гитары им привычный.

– Слова Редьярда Киплинга. «Дорога на Мандалай».

Save me from drowning in the sea,
Beat me up on the beach.
What a lovely holiday,
There's nothing funny left to say...²

На самом деле, песню The Road to Mandalay написал и исполнил Роби Уильямс. Точнее – напишет и исполнит через сколько-то лет, Егору приходилось выступать с кавером. Но к чему такие подробности? Девочкам нравилось! Они затребовали сыграть на бис и радостно подпевали на «чистом английском»: пам-пам-пам-па-рам-пам-пам-пам... Манделей!

В этот вечер покойный Дин Рид, возможно – в данной реальности ещё живой, был плодотворен как никогда. Особенно понравились барышням динридовские The Unforgiven и Still Loving You. Егор думал было приписать Дину Риду ещё и Hotel California, но вовремя вспомнил, что Eagles исполнили эту песню раньше 1981 года.

Студентки начали бурно обсуждать, у кого из них знакомые фарцовщики, спекулирующие пластинками, чтоб заказать диск Дина Рида вскладчину. Или хотя бы переписать его на магнитофонную ленту. Егор постарался скрыть досаду. Музыкальные спекулянты – люди разбирающиеся, они мигом смекнут, что это никакой не Дин Рид, не Демис Руссос и даже не Карел Гот, разрешённые в СССР. По крайней мере, их песни изредка звучали из радиоточки.

Марьяля вдруг соскочила на другую волну.

– Дзеўкі! А давайте споём Егору нашу, душевную.

– Ты уверена? – засомневалась Ядвига, но та уже отобрала гитару и ударила по струнам.

– Полонез Огинского «Прощание с Родиной». Вокально-инструментальный ансамбль «Песняры»³ и женский квартет комнаты 404.

Девушки начали очень лирически, нежно:

Сонца праменьне стужкай вузкай
Ператкала помны вечар.
Край бацькоўскі, край мой беларускі,
Я табе кажу на разьвітаньне:

---

² Спаси меня в море и приведи в чувство на пляже. Какой прекрасный выходной, ничего не скажешь (приблизительный перевод с английского автора).

³ В версии «Песняров» слова другие. Написавших эту версию текста автор не знает.

«Да спатканья, да сустрэчы».⁴

Потом голоса окрепли, лица приобрели торжественно-напряжённое выражение, все четверо встали и отчеканили:

Воі прагнуць волі,
Воля – сьвет і доля.
Броні звон ды коні,
Коні – кліч «Пагоні».
Крочым з багны ночы,
З ночы шлях прарочы.⁵

Егор понял не всё, но уловил главное и постарался не выдать изумления. В 2020 году он читал, что в Белоруссии прогремели массовые выступления против их президента, жёстко подавленные. Они как раз проходили под знаменем «Пагони». Неужели корни протеста росли так глубоко – из советских времён?

Ему-то всё равно, пусть КГБ волнуется за «ошибку 404», как на экране компьютера.

После «Полонеза Огинского» что-то другое исполнять было бы неуместно. По чашке чая – и можно расходиться. Он сказал спасибо и ретировался, даже не представляя, какие там разгорелись страсти, когда единственный парень на четверых спустился на свой этаж.

– Варвара! Он – твой? – в лоб спросила Настя.

– Не совсем... Предложил провести вечер, я пригласила к нам, как бы по-дружески. Я же не знала, что ты первым делом попытаешься его увести.

– Не ссорьтесь, – встряла Марыля. – Его неудавшийся роман с Танькой Серебряковой с четвёртого курса юрфака ещё не кончился. Все слышали? Они с агитбригадой выступали в медицинском, Татьяна пела, Егор играл на гитаре. Потом у них сценка была, Егор должен был сказать по сценарию: любить – так королеву. Он в микрофон ей и говорит: «Татьяна, ты – королева красоты и моего сердца, выходи за меня замуж». А она его послала дальше, тоже в микрофон. Сделали вид, что так и было задумано, но весь универ хохотал, и мед – тоже.

– Я слышала в другой версии, но суть та же, – согласилась Настя. – И что? Рабочий вариант. Парень, посланный в дупу, свободен и нуждается в утешении. Спорим, я – лучшая утешительница?

Дискуссию, кому лучше других удастся возделывать эту ниву, прервал визит сокурсницы из соседней комнаты.

– Девчонки! Вы снова «Погоню» орали?

– Варя кавалера привела, – ответила Ядвига.

– И вы постарались... А это был Егор Евстигнеев с юрфака? Видела его в коридоре.

– Он. И что? – подбоченилась Настя, подозревая, что на призового жеребца с минским распределением появилась новая и нежеланная претендентка.

– Он же стукач! Всех в комитет комсомола закладывает. С ним сокурсники жить не хотят, к нему молодняк подселяют. «Голос Америки» ещё не предлагали ему вместе послушать? Какие же вы дуры...

Когда она ушла, в комнате на минуту повисла тишина, нарушаемая только лёгким гудением из утробы телевизора, работавшего с выключенным звуком. Показывали хронику года

---

⁴ Солнца лучик лентой узкой повязал тот вечер. Край отцовский, белорусский, я скажу тебе, прощаясь: до свидания, до встречи (*перевод с белорусского автора*).

⁵ Бойцы жаждут воли, воля – свет и доля. Звон брони да кони. Кони – клич «Погони». Из болота ночи путь свой напрозорчив (*приблизительный перевод с белорусского автора*).

и самые важные события, например – вручение Брежневым очередной награды болгарскому коммунисту Тодору Живкову.

– Всех не выгонят, – резюмировала Ядвига. – Максимум, ввалят по строгому по комсомольской линии. Всё равно дадут диплом и отправят по деревням, там работать некому. Зато будем знать, кто постарался вложить. Выше нос, подружки! У меня ещё двести грамм деревянной самогонки сохранилось. На Новый год берегла, но сейчас – самое время. Варя! Запри дверь на ключ.

* * *

День выдался сонным. Выезд случился всего один, Вася-Трамвай подтвердил высокую квалификацию профессионала, уболтав пострадавшую не писать заявление о мелкой краже, дабы не грузить уголовный розыск лишней работой. Естественно, клятвенно пообещал порваться от усердия в поисках сумки, исчезнувшей из гардероба столовой Минского часового завода.

Когда возвращались пешком, а столовка на Толбухина находилась в шаговой доступности, Василий торжественно поднял палец и заявил:

– Уголовный розыск – ведущая служба советской милиции. Служба раскрытия и укрытия преступлений.

Второпях покидая место происшествия, потому что бывшая сумковладелица в любой миг могла передумать и закричать вслед «стойте, я всё же напишу заявление», Лёха с напарником не обратили внимания на суету, охватившую первый этаж столовки. Оказалось – зря. Там происходило нечто любопытное.

О том поведал Папаныч, собравшийся домой довольно рано, где-то в половине седьмого вечера. Он заглянул в кабинет к дежурившим операм. По его битой жизнью и перчатками физиономии было очевидно – начальника распирает.

– Слышали, Цыбин раскрыл-таки преступление. За день до Нового года. Учитесь работать.

По ухмылке босса Лёха догадался, что назревает очередная история, о которой в ОБХСС, а то и во всей минской милиции будут рассказывать несколько поколений оперов. Как только стук зимних ботинок Папаныча стих в коридоре, лейтенант помчался на этаж к борцам с хищениями социалистической собственности.

Картина, увиденная в кабинете Цыбина, венчалась в центре композиции дородной дамой торгового вида в меховой безрукавке. Руки злоумышленницы непрерывно двигались, растирая носовым платком и без того ярко-красный нос. В фоновом режиме восседал Дима за столом. Он изображал строгую неподкупность и, как обычно, сожаление. На лице застыла скорбная мина, сообщавшая, как тяжело ему видеть советского гражданина, преступившего закон, перешагнувшего границу, отделяющую зло от добра...

– Дми-итрий Фёдорович, а что со мной бу-у-удет? – проскулила злодейка.

– Тут, к сожалению, я должен сказать правду, – развёл ладони Цыбин. – Думаю, вас расстреляют.

Руками, глазами и мимикой лица Лёха безмолвно прокричал Димке: «Ты – идиот!» Тот лишь бровкой повёл. Мол – не порти мне спектакль.

Когда за страшной преступницей закрылась дверь, Цыбин обхватил физиономию руками, чтобы не заржать.

– Да садись уже... Ой, не могу...

– Что ты ей пришил, мусор гнойный?

– Как полагается, обман покупателей и заказчиков, – отсмеявшись, Дима протянул товарищу по школе МВД листок с собственноручной повинной торговли. – Читай!

– Нарезала огурцы и колбасу... Потом не нарезала... Прошу принять во внимание моё чистосердечное раскаяние в умышленной преступной ненарезке огурца, – Лёха уронил признание на стол. – Вот ни хрена не понял. Растолкуй.

– Всё просто. Представь – в столовой МЧЗ профком организует праздник для сотрудников и их детей. Ёлка там, Дед Мороз со Снегуркой, хороводы всякие...

– Ого. Одно это прямо-таки на высшую меру тянет.

– Ты слушай! – самодовольно хрюкнул Дима. – На неделю до нового года на первом этаже столовки решили держать буфет. Пиво, водка, шампунь, коньяк. Закуска – три вида. К пиву – хлеб, кусок колбасы и мелко нарезанный огурчик, на 9 копеек. Продавщица принимает продукты по накладной и продаёт из расчёта 10 копеек с комплекта закуси, потому что в калькуляцию входит одна копейка за нарезку огурца.

Лёха терпеливо ждал, всё ещё не оценив гениальность замута.

– Я как это узнал, сразу смекнул – эврика! – Дмитрий шлёпнул ладошкой по столешнице. – Вызвал группу доверенных лиц, ну, ты понимаешь, кого именно. Они отправились к буфету и все в один голос кричат буфетчице: «Нам не нарежай!» Но деньги она брала как за нарезанный огурчик, у неё же отчётность за товар по общему весу...

– Стоп! – Лёха с напряжением вспомнил неиспользуемую им статью Уголовного кодекса. – Это сколько огурцов с колбасой должны были слопать доверенные лица, чтоб набрался криминальный размер обмана?

– Нужно 20 копеек! Правда, притопало всего девятнадцать доверенных, последнему пришлось брать двойную. Я за ним пристроился и тотчас ей корочки – тыц! Пройдёмте, гражданка.

Лёха, насмотревшийся в райуправлении всякого разного, не поверил своим ушам.

– Её же оправдают в суде!

– Совсем меня за барана держишь? Никакого суда не будет. 4 января вызову её, красноногая получит административный штраф вместо судимости. Теперь уловил? Раскрытое преступление уйдёт в статистику этим годом, его уже не вырубить топором. А в следующем, глядишь, кто-нибудь ещё колбаску с огурцом не порежет...

Они позубоскалили, но тем не менее у Лёхи остался неприятный осадок. Служба в уголовном розыске тоже не всегда блещет благородством. В порядке вещей мелкие шалости вроде скрытой мелкой кражи, не имевшей шансов быть раскрытой, методы допросов без нежности и прочее, список длинный. Но розыск всё же связан с реальной борьбой с преступлениями. И на районе, тем более – в городском управлении, сыщики раскрывают серьёзные и сложные преступления. В ОБХСС их нужно искать, а коль не получится – высасывать из пальца, привлекая невинных. Когда станет невтерпёж и придётся уходить из угрозыска, то выбор Лёхи будет – в ГАИ, в участковые, в паспортную или даже в медвытрезвитель, но только не сюда.

– Ладно, Димон. Лучше расскажи о Бекетове.

– Евгении Михайловиче?

– Том самом. Он пострадал при взрыве в гастрономе. Убило его беременную жену.

Радужное настроение опера на пару градусов поугасло.

– Тебе что о нём нужно знать?

– О его месте в торговой системе. О порочащих связях, криминале. Короче, о любых делишках, из-за которых его хотели бы замочить.

– Заминировав магазин?! Ты хоть представляешь, насколько мала вероятность, чтобы он вообще туда заглянул? Попутно перебить столько народу... У нас что, ИРА⁶ открыла филиал?

– Версий мало, потому что непонятен мотив. Террористы немедленно бы выкатили требования: разрешить евреям поголовно съехать в Израиль. Или что угодно любое. Вот, сутки прошли, требований нет. И не будет. КГБ умывает руки, бытовуха не по их части.

---

⁶ Ирландская республиканская армия, террористическая организация.

– Так и не по вашей. Сварщика и магазинщицу закрыла прокуратура. На них повесят всех собак.

– Повесят. И всё успокоится. Пока тот же урод не прилепит радиовзрыватель на другой сварочный баллон. Он поймёт – что бы ни натворил, городские власти замнут. Помнишь историю с взрывом на радиозаводе в 1972 году? – Лёха соорил постную рожу и, подражая голосу диктора в программе «Время», продекламировал: «На одном из минских предприятий произошла авария, связанная с возгоранием в футлярном цехе. Причиной стало нарушение техники безопасности. Пострадавшим оказана своевременная медицинская помощь. Центральный комитет Коммунистической партии Белоруссии обязал соответствующие министерства и ведомства принять меры для исключения подобных аварий в будущем». Понимаешь, Димон? Авария! Типа какому-то знатному фрезеровщику слегка опалило жопу, и всё. А из футлярного, на самом деле, вытащили больше сотни жмуrow! Даже нам, ментам, не узнать – сколько точно.

– Что ты хочешь сказать?

– А вдруг это тот же урод, что орудовал на радиозаводе, подорвал магазин? Знаешь – почему? Потому что там осудили невиновных, скрыли не только халатность, но и диверсию!

– Доп... дишься, правдоискатель.

– Давай, внук Берии, пиши донос на меня, – Лёха подавил вспышку раздражения и добавил спокойнее: – Я понимаю, раскрыть надо тихо. И злодеев прижать тихо, КГБ справится, если им преподнести на блюде. Сами фиг что раскопают, видел их.

– Шерлок Холмс бульбашный, – подколот Димон, только что ухвативший синицу и снисходительно смотревший на товарища, замахнувшегося на журавля.

– Не-а. Комиссар Мегре. Шерлок был любителем, я хочу стать профи. Колись! Чем замаран Бекетов?

– Не имею права разглашать.

Сыщик присел около его стола, закинул ногу на ногу и обхватил пальцами колено.

– Брось. У нас одинаковый допуск к секретности.

– Там секретность – перед прочтением сжечь.

– И для верности застрелиться. Слушай, клоун недорезанный, нет пока ни единой версии, кроме сведения счётов с торгашом. Единственная ниточка, что может привести к заказавшим его гадам.

– Ты же сам говорил – вдруг это автор взрыва в футлярном?

– Мне яйца оторвут, если вздумаю копать с той стороны.

– А мне – если расскажу тебе о Бекетове. Но... Всё равно найдут за что, если захотят. В общем, это персoна под колпаком ОБХСС УВД города, мне строго-настрого велено к «Верасу» не соваться. Но так как торговля и бытовое обслуживание в Первомайском районе – моя поляна, коё-что знаю. Нальёшь?

– Замётано. Трави!

Слушая, Лёха постепенно убедился, что проставиться придётся. Бекетов оказался крёстным отцом мафии, но советского образца. Официальная должность невелика – директор Комбината бытовых услуг и розничной торговли «Верас» на Славинского, 45, в реальности находившегося на улице Кедышко. Место пёстрое. Там кафе, парикмахерская, ремонт обуви, часов, ювелирных изделий, комиссионка, гастроном. Рядом мини-рынок, где колхозники торгуют выращенным на подсобных участках, а артель кустарей-инвалидов – изготовленным ими ширпотребом.

– Представляешь возможности? Торговля от лица артели идёт без кассового аппарата. И от гастронома на лотках вне торгового зала. Сечёшь?

– Неучтённая наличка.

– Именно. Через комиссионку продаются товары, поступившие без накладных. Имеется пачка паспортов. Приносят джинсовый костюм, оформляют, выставляют, продают. Если уда-

лось не пробить выручку, копия квитанции о приёме рвётся в клочки, не было здесь никакого костюма. Золотишко прокручивается через ювелира. Краденое сбывается. Но самое главное – вот.

Димон встал и нагнулся, выставив в сторону товарища джинсовую задницу с красивой светлой лейбочкой Wrangler, аккуратными строчками и заклёпками.

– Рублей сто двадцать, – прикинул Лёха.

– У фарцов сто пятьдесят, потому что настоящие. Уверен, их изготовитель из Тбилиси мамой клялся, что настоящие. Короче, я по незнанке туда заглянул, думал шорох навести. Баба, в комиссионке стоявшая, только улыбнулась золотозубой улыбкой и позвонила. Трубку мне дала. Я послушал и въехал, что мой шорох в «Верасе» закончился. Сразу и навсегда. Золотая тётка говорит: «Не грусти! Какой размер попы?» Померила на мне несколько, выбрала эти и подарила. Заходи, говорит, кофе попить. Но будут только кофе и разговоры за жизнь, а не обыск-протокол-отпечатки пальцев.

– Тебе не впадлу их носить?

– Знаешь... они держат меня за задницу и напоминают об истинном моём месте. О планке над головой, выше которой прыгать запрещено.

Лёха поднялся.

– А верхняя планка твоя – преступная ненарезка огурца.

Дима развёл руками: не я такой – жизнь такая.

Глава 6

Утром Егор хлебнул кефира из заранее купленной бутылки и сгрыз булку. Вполне студенческий завтрак, пока столовка закрыта. Без чего-то восемь вышел из общаги и поплёлся к центру.

Незнакомец сказал, что встреча в девять на ступенях Дворца спорта. Классно. А где этот чёртов Дворец спорта? У студентов спрашивать нельзя, подозрительно, поэтому дошёл до православного собора справа от площади 8 Марта и только там поинтересовался у прохожего. Оказалось – совсем близко, только двигать надо было в противоположную сторону по проспекту Машерова и перейти его.

Дворец спорта он не смог бы с чем-то спутать из-за избытка плакатов, радужно приветствующих участников грядущих соревнований. Правда, в предновогодний день и в такой час никто там не торопился укреплять тело и дух. К девяти утра молочно-белый тусклый свет разогнал сумерки. Егор, малость заочневший, увидел чёрную «Волгу», тормозившую у тротуара напротив храма спорта, передняя правая дверь распахнулась. Так как вокруг больше не наблюдалось ни души, он сделал логический вывод – это за ним.

Он сел в машину и захлопнул дверь. Водитель, мужчина с незапоминающимся лицом среднего возраста, немедленно воткнул передачу. «Волга», по крутизне соответствующая примерно «Лексусу» 2020-х годов, понеслась от центра, разбрызгивая грязный снег с камушками, барабанившими по днищу. Егор с интересом глянул на спидометр, но толком не смог понять его показания – стрелка шаталась как пьяная. Машина шла не быстро, но шумела громко.

– Здравствуй, Егор. Ещё раз спрашиваю: почему не доложил по возвращении в Минск.

– Сказал уже по телефону: понятия не имею, кому и зачем должен докладываться. Куда мы едем?

– Никуда. Сейчас приторможу, и поговорим по душам.

Он действительно припарковал «Волгу». Слева сзади остался какой-то завод, справа – лесопарк. Вокруг простиралось поле. Машины проезжали мимо очень редко – в последний день года у минчан нашлись более неотложные дела, чем кататься в конец проспекта Машерова.

Выключив зажигание, водитель повернулся к Егору.

– Дурку решил дурить? Или соскочить? Не выйдет.

– Почему?

– Даже так... Ладно.

Он протянул руку на заднее сиденье и взял кожаную папку. Из неё извлёк лист розоватого цвета, напоминавший какой-то документ, выполненный на копировальном аппарате незнакомого Егору типа.

Тот прочёл, чувствуя холодок уже не только в ногах, не отогревшихся после стояния у Дворца спорта, но и расползающийся глубоко внутри.

«Начальнику 3-го отдела 5-го управления УКБ по Минску и Минской области тов. Шехонцову Ю. А. От студента 2-го курса юридического факультета БГУ Евстигнеева Е. Е., прож. по адресу: Минск, проспект Машерова, 11, общежитие БГУ № 4. Заявление. Прошу зачислить меня нештатным сотрудником КГБ СССР. Обязуюсь: строго хранить служебную тайну, не разглашать факт моего сотрудничества с КГБ СССР, сообщать о любых ставших мне известными сведениях...»

Сверху стоял штампель: «Присвоен агентурный псевдоним ____», на месте нижнего подчёркивания рукой вписано: «Вундеркинд».

– Я мог прихватить ещё копии твоих сообщений о результатах наблюдения за студентами и преподавателями, а также копию приказа по управлению о поощрении тебя за бдительность. Копировальный сломался. Но, думаю, хватит.

– Хватит для чего?

– Чтобы ты понимал, если вдруг решил включить задний ход: это – дорога с односторонним движением. Обратного пути нет и не будет, ты – наш до гробовой доски!

Егор глубоко вздохнул и представил на этом сиденье себя прежнего, запуганного пацана из Гомельской области, готового стучать на сокурсников ради кагэбэшной крыши, робеющего, хоть и способного сломать шею гэбисту одним отработанным движением рук. Сейчас он вдруг почувствовал себя лет на десять старше сверстников из общаги. Жизнь в двухтысячных развивает большой кругозор. И учит, где отличать блеф от реального наезда. Самоуверенный чиновник не тянул даже на мамино дядю Володю.

– Если решил включить задний ход... Или что? Что вы сделаете?

Мужчина явно не ожидал подобного поворота.

– Ты думаешь, студенты и преподаватели вокруг тебя спокойно отнесутся, узнав об этом, – он потряс розовой копией заявления. – А также о твоих сообщениях нам?

– Я думаю, что вы не пришлёте копию этой писульки в деканат. Меня и так там держат за стукача – за доносы в комитет комсомола. А тут – сюрприз! Капитан из пятого управления КГБ публично раскрывает методы вербовки агентуры среди студентов.

– Я майор... – несколько растерянно промямлил тот.

– Ну, точно перестанете им быть. А то и посадят за разглашение тайны.

Майор успел врубиться в поворот ситуации.

– У нас имеются тысячи более тонких методов.

– Из которых на сто процентов срабатывает только один – ликвидация меня. Так будем продолжать разговор? Или заканчивать?

– Парень, да что с тобой?! – в голосе гэбиста первый раз прорезались сравнительно человеческие нотки. – Всегда же было нормально. Договаривались: отработай распределение в ментах, женись, вступи в КПСС. И переведёшься к нам, мы поддержим. Что случилось? После Москвы ты – словно не ты.

– Вы правы. Москва меняет людей, – понимая, что приходится отступить на самую заднюю и последнюю линию обороны, но нет другого выхода, он добавил: – Один перец с журфака, из нашей комсомольской группы, пошустрил по вагону, принёс всякого... В общем, я проснулся наутро с провалами в памяти. Общежитие и вуз помню. Вас – первый раз вижу и слышу.

– Там что, самодельное бухло было? Метиловый спирт?!

– Понятия не имею. Москва тоже помнится кусками. Вот я в гастрономе на Горького, там очередь за колбасой на весь зал, вот уже в вагоне пьём пиво... Да, с пива начали. «Жигулёвского». Потом – чернота ночи. И здравствуй, Минск. На хрена мне Минск? Ах да, я же здесь живу и учусь. Не смотрите на меня как на явление Христа народу. Я же догадываюсь, вас вздрюкнут по самые гланды за непонятки с агентурой.

– «Непонятки»... Слова у тебя какие-то чудные. Ты часом, как в «Джентльменах удачи», с полки головой не падал?

– Не помню. Не буду врать. Шишка на голове появилась, и голова болела, кружилась – точно. Но с полки или не с полки... Это имеет значение?

Гэбист в растерянности потёр лоб.

– Ты же спортсмен! Как ты мог нажраться неведомо чего? Тем более – трезвенник.

– Да, мне говорили, что я, оказывается, спортсмен. В шкафу нашёл кимоно и чёрный пояс. Думал – чьи, интересно, они?

Гэбист завел мотор и газанул так, что «Волга» едва не пошла юзом.

– Едем на «Динамо». Отдам тебя на поруки тренеру. Он – мужик толковый. Мозги вправит. Поможет вспомнить. Остальное само всплывёт, амнезия – не навсегда... Эй, парень!

– Чо?

– Через плечо. Я к тому, что ты... ну, ты, в общем, извини, что я резко вначале. Не знал. Ты лечись, приходи в себя. Потом поговорим о будущем.

– О каком будущем? – спросил Егор, увидев приближающееся здание общежития. Из автомобиля КГБ оно выглядело безопасным и уютным убежищем. Иллюзия, конечно.

– Куда идёшь на практику, вспомнил?

– Не-а. Но в направлении указано – УВД Мингорисполкома.

– Правильно. Следственный отдел УВД. Вопрос под контролем. Тебя отправят в Первомайский РОВД. Пока ты в Москве ужирался какой-то отравой, на улице Калиновского произошёл теракт. Ты, конечно, не в курсе.

– Не в курсе? Вы серьёзно? Весь Минск гудит. Даже от бабок в очереди слышал про горы трупов. Хорошо, что у меня алиби.

– Ага. Шутить не разучился. Хотя раньше не был особо юморной. Нет, трупов всего четыре. Объявили, что взрыв бытовой. Кто организовал – нет правдоподобной версии. Заниматься должна была наша контрразведка, но с самого верха спущен приказ – задействовать всех в Белоруссии. В том числе состоящих на связи нештатных. Даже с Первомайским райотделом милиции взаимодействуем, – он не сказал «от безысходности», но было очевидно. – Ты у нас единственный подходящий, кого можно оперативно внедрить к первомайцам. – Сам подумай. Коль официального уголовного дела милицейской подведомственности нет, они особо и шевелиться не станут. Знаешь поговорку: нет тела – нет дела. Тут наоборот: нет дела – кому надо искать тело?

К концу его спича машина уже подрулила к спорткомплексу «Динамо», единому для двух заклятых друзей – милиции и КГБ.

– Просто стучать, что менты не шевелятся?

– Просто делать всё для раскрытия преступления. Но согласовывая с нами каждый шаг. Врубись, наконец: если взрывника не поймает, он не остановится! А в Минске начато строительство метро. Представь, сколько там народу может пострадать! Давай так. Забудь обо всех моих угрозах и упрёках. Помогите своей стране и людям. Это просьба, а не приказ. Ты же белорус, как и я? Внук партизана? Вот и ладушки. Идём!

В прошлой жизни Егор имел самое далёкое отношение к спорту: посещал спортбар с приятелями, когда играл московский «Спартак», и сравнительно честно посещал уроки в школе, затем занятия по физкультуре в вузе, благополучно законченные итоговым зачётом. Звон гантелей, доносившихся из-за двери, где кто-то качался с утра пораньше, влага из душевой, а самое главное – резкий потный запах раздевалки, не будили в нём ровно никаких чувств. Разве что ощущение – он чужой на этом празднике жизни.

Так дошли до тренерской.

– Тимофей Борисович! Я к тебе в компании, с наступающим поздравить.

Сидевший за столом крепкий мужик в светлой борцовской куртке и синих трениках обернулся, оторвавшись от заполнения какого-то толстого журнала.

– Здравствуй, Николай. И ты, Егор! Проходите.

Обменялись рукопожатиями. Потом так и не представившийся водитель «Волги», надо понимать – Николай, кратко поведал историю амнезии.

Тренер скептически хмыкнул.

– Думаешь, он головой треснулся? Поверишь ли, на тренировках ему столько настучали, не говоря о соревнованиях, что давно бы уже имя своё забыл.

– Имя помню. Вас – нет.

– Ну, вы тут сами попробуйте, я пойду, – попробовал ретироваться Николай.

– Стояночка! Парня надо бы врачу показать, а то и в больничку положить. Голова у юристов – место хрупкое, ненадёжное.

– Не могу! – страдальчески признался тот. – И что с ним непорядок – нельзя докладывать. У Егора наиважнейшее задание с 4 января. У нас такой шорох стоит... Я отчитался перед начальником управления: есть у меня подготовленный человек. С меня штаны спустят, а то и погоны снимут, если он не начнёт работу.

– Где?

– Не имею права говорить – где. Но к кому ещё обратишься? Так что слушай. В Первомайском РОВД. К ментам его внедряю из-за теракта на Калиновского. Сможешь поработать, просветить, узнать точнее – что он помнит, а что нет?

– Так Новый год. У меня в двенадцать и в четырнадцать группы, потом ждёт супруга с ножом. Не меня резать – салаты.

– Ну удели хоть немного времени. Это же Егор! Твой чемпион!

– Посмотрю, что смогу сделать. Оставляй парня.

– Спасибо! Я твой должник. Егор! Позвони накануне. Тебе всё равно сначала ехать на Доброммысленский, в кадры УВД. И только оттуда в Первомайский, Инструментальный переулок, 5.

– Кому звонить? Я только имя ваше знаю – Николай.

– Да-да... Сейчас! Вот, – он написал на бумажке два номера телефона. – Выучи и порви. Нет! Положи куда-то в секретное место. Вдруг снова забудешь.

– Тогда надо приписать – дядя Коля, майор КГБ, позвонить, иначе сам найдёт.

Эти слова он бросил уже в закрывшуюся дверь. Тимофею Борисовичу они понравились.

– Новый Егор как-то веселее прежнего.

– Я тот же самый. Просто за сутки всё достало. Будто из люка вылез в незнакомом городе. Бесит. Остаётся только ржать над собой.

– Ты точно меня не помнишь? И что мы вместе четвёртый год?

Слово «вместе» кольнуло. Хотелось бы надеяться – гомосятиной не пахнет.

– Не помню. Но вы подскажите, намекните.

Если бы тренер полез целоваться, получил бы «кия» в переносицу тем самым ударом, каким Егор понтовался перед филологинями.

Обошлось. Узнав, что подопечный не захватил форму, предложил идти в зал босиком, раздевшись сверху до пояса и оставшись в одних штанах. Тех же самых – светло-зелёных стройотрядовских, достаточно широких.

– Побежали!

Зал был просторный, в полную баскетбольную площадку, о чём напоминали щиты с кольцами и сетками по торцам. Но, конечно, все стены были уставлены мордобойным инвентарём, один угол вместил шведские стенки и стойку с гантелями.

Они нарезали несколько кругов. Егор ощутил, что бежится ему легко. В прежнем теле уже сипел бы, задыхаясь. Тренер, наоборот, был недоволен.

– Расслабился, сэмпай. Москва на пользу никому не идёт.

Даже в ней рождённым?

– Вы правы, тренер.

– Надо отвечать: ос, сэнсей.

– Ос, сэнсей.

– Не останавливаясь, маэ гэри!

Моя гиря?! Увидев, что наставник резко ударил правой ногой воображаемого противника впереди, Егор просто повторил движение, как и вчера удивившись, насколько охотно тренированное тело воспроизвело приём.

Они повторили ещё десяток ударов руками и ногами, Тимофей Борисович часто оглядывался, но больше ничего не говорил.

– Ямэ! Закончили разминку. Что-то вспоминается?

– Смутно. Руки и ноги лучше помнят, чем голова.

– Это только фигура речи, Егор. У конечностей нет памяти. Всё помнит головной мозг. Только у тебя нарушены связи между большими полушариями и той частью коры, где защиты рефлекс. Чего же такого наглotalся в поезде?

– Я вообще не уверен, что сделал хоть глоток после пива.

– Московское «Жигулёвское» – дрянь отборная, но не до такой же степени... Что ты последнее помнишь перед тем, как уснул?

– Я не помню, что было последним!

– Ты как мой кавказский овчар, подбираешь всякую гадость где ни попадя, потом лечи тебя. На центр! Проверяем, что ты помнишь из защиты. Хаджиме!

Егор довольно легко отразил блоками одиночные удары, от нескольких увернулся. А вот серии – пропускал. И хоть тренер не пытался его нокаутировать, выходило болезненно и требовало ответа. Настолько, что когда сэнсей раскрылся в выпаде, врезал ногой в промежность, а затем руками провёл пару прямых в голову.

Это было очень некстати. Прихватив подмышки довольно тяжёлое тело, ростом сэнсей был чуть ниже, зато гораздо больше мяса, Егор оттянул его в комнатёнку и, намочив полотенце под краном, принялся приводить в чувство.

– Это ты меня так лягнул? Бля-а-а, как голова звенит...

– Простите, Тимофей Борисович. Вы меня несколько раз сильно ударили, а потом, когда раскрылись, во мне словно что-то выстрелило. Бах-бах, и вы лежите. Давайте я помогу вам встать.

Тот попробовал подняться с кушетки, куда его уложил ученик, но тотчас скрючился.

– Ёо-о-о... Ты мне шары отбил! Совсем идиот?!

– Я же не нарочно...

– Не нарочно, – передразнил тренер. – Как маленький. Ещё скажи – оно само.

– Оно само так получилось. Может, мне больше вообще не приходиться в спортзал?

– Ишь чего вздумал – откосить? – тренер наконец разогнулся. – У нас в феврале встреча с пограничниками и ментами. Те по яйцам лупят, как садюги, два раза просить не надо.

– Но вы же до февраля мне объясните, куда можно бить, куда нельзя...

Тренер пару раз присел и осторожно пощупал свой пах.

– Фаберже синими будут. Но вроде обошлось. Сука ты, ученик. Но – талантливая сука. Короче, ментов можно и нужно бить куда угодно. Но только в спортзале – в додзё. На улице ни в коем случае – статья. Да ты и сам скоро станешь ментом, поймёшь – за что их не любят. Договоримся так. Жду тебя здесь в десять часов второго января. Позанимаемся. Поговорим за жизнь.

– Ос, сэнсей.

– Так-то лучше. Кстати, тебе есть с кем Новый год встретить? Если что...

– Есть. Спасибо.

– Дать полотенце для душа?

Егор с некоторым удивлением обнаружил, что не особо вспотел. А пока таскал волоком и приводил в сознание тренера, так даже и успел остыть.

– Нет, спасибо. Я уж в общежитии.

– Стой! Чуть не забыл. У тебя талоны на питание должны были кончиться.

– В вещах у себя не обнаружил. Буду обязан.

Он вышел на улицу, приятно отягощённый пачкой талонов в столовую. Каждый обеспечивал питание в столовке, хватало на январь и февраль. Призрак голодной смерти несколько отступил.

* * *

По праву отдежурившего, Лёха приплёлся в РОВД довольно поздно – к обеду, в гражданской куртке, слегка зашитой на спине, куда угодил кусок витрины. Рассказ Димона об одёжном Клондайке на «Верасе» породил надежду прибахлиться там, возможно – недорого. Дешевле, чем у фарцовщиков. Тогда можно и старую выбросить.

Рядом с кабинетом обнаружилось нездоровое оживление. Вася-Трамвай в окружении заместителя Папаныча и других оперов что-то возбуждённо втолковывал коллегам, яростно жестикулируя.

– ...Он мне и говорит: главное – не колитесь. Держитесь, как партизаны на допросе в гестапо. Ну, я сразу прибежал...

– Что стряслось? – спросил Лёха.

– Шефа в прокуратуру увезли. Трамвай видел. Давидович! У тебя сильно рыло в пуху? – спросил Папанычев зам.

– Не больше чем у других. Работаю мало, не успел... А хрен его знает! Они же по любому поводу могут раздуть до небес.

Все согласно кивнули.

Вообще-то, уголовный розыск в прокуратуру вызывают редко. Как правило, это связано с необоснованным отказом в возбуждении уголовного дела, написанным скрепя сердце, чтобы не портить статистику раскрываемости намертво повисшим глухарём и не создавать себе лишней работы. Тут всё просто. Надзирающий прокурор читает отказной материал и обнаруживает, что похищенное у гражданки N меховое пальто помнит Деникина, заношено до дыр и потому не представляет материальной ценности, отчего содеянное не является преступлением в силу малозначительности ущерба. Вызванная в прокуратуру заявительница N рвёт и мечет, объясняя, что пальто новое и стоит больше, чем в сумме зарплата среднего инженера за год. Постановление отменяется, сыщик получает нагоняй, возбуждается уголовное дело, и спустя полгода после происшествия создаётся видимость бурной работы по поискам пальто. Ещё через два месяца производство по делу приостанавливается до обнаружения вора, то есть до никогда, и бумаги преспокойно покрываются пылью.

Несколько реже вызывают из-за жалоб граждан. Например, тот же Вася-Трамвай в ноябре был обласкан по заявлению, что не проявил достаточного рвения в поисках злодейски похищенного детского велосипеда из подъезда.

Но вот так – под самый Новый год, вызвав панические реплики всегда спокойного как удав Папаныча, это, и правда, грозило чрезвычайными неприятностями.

Может, громы и молнии связаны с терактом на Калиновского?

Не сговариваясь, опера заперлись в кабинетах и вывалили на стол всё содержимое сейфов и столов, пока это не сделано проверяющими из главка по заданию прокуратуры. Или КГБ – желающих насолить ментам достаточно.

Рвались бумаги. Уничтожались целые папки. Ворох небрежных писуллек приводился в менее стыдный вид. Выбрасывались вещдоки, забытые и неприобщённые к уголовному делу. Хуже того, второпях отправились в контейнер несданные бутылки, а по отделению их набралось бы рублей на пятнадцать.

Через два часа явился Папаныч, вполне себе довольный жизнью. На вопрос зама и других оперов о случившемся пожал литыми боксёрскими плечами.

– Зампред райисполкома пригласил в прокуратуру всех начальников отделений РОВД и судей. У прокурорских свежий ремонт, цивильно. Красиво даже. Поздравили нас, подарки вручили. Да что рассказывать, я же Трамваю говорил – за подарками еду, вы готовьте поляну пока.

Примерно через сорок секунд после окончания этого спича Лёха увидел глаза Васи-Трамвая. За миг, как он скрылся за фигурами более массивных сослуживцев. Васины глаза молили: помоги! Убьют! А как помочь? Тем более, нельзя шутить только над двумя вещами в мире – говорить матери, что её единственный сын смертельно болен, или сообщать милиционеру, что его ожидает п-п-пц в прокуратуре.

Потом расселись за столом, пожертвовав одним из парней по жребию. Он, трезвый до идиотизма, ну – почти трезвый, отирался около дежурной части, изображая готовность бежать по команде «опергруппа на выезд». Вася был жив и без следов увечий на лице, но и только. Даже выпил с трудом, когда Папаныч провозгласил за него тост и поблагодарил: ни разу в истории Первомайского угрозыска документы не приводились в столь идеальный порядок.

Сыщики поржали, выпили, закусили, снова налили.

Лёха накидывал в себя наравне со всеми. Но ни на секунду не забывал, что сегодня состоялись первые похороны погибших в гастрономе № 7. Двух близняшек, задохнувшихся прямо на руках у своего отца.

Поэтому хмель долго не приходил. А потом вырубил напрочь.

* * *

Варю удалось перехватить в коридоре.

– Постой! Хорошо вчера посидели? Что девочки говорили?

– Всё нормально.

Она, наклонив голову в нелепой беретке, попробовала обойти Егора, но он не позволил.

– Эй! Хотел на Новый год напроситься. У меня сложности в отношениях с моими.

Варя обождала, пока мимо них не прошла группа парней, и только тогда ответила:

– Может, из-за того, что считают тебя стукачом?

– Считают, – не стал отпираться тот. – Однажды я открыто, на комсомольском собрании заявил о поступке... Подробности не имеют значения. Ну, и в отместку пустили слух, что я не только в лицо могу прямо сказать, но и нашептать. Да, мне сложно с людьми. Но оправдываться не собираюсь.

Она оттащила его к бытовой комнате.

– А вчера, когда мы спели «Полонез» со словами «Коні – кліч „Пагоні“» и всякое другое... Нам как сказали, что ты стукач, так сегодня мы едва занятия высидели, всё ждали вызова в деканат или в комитет комсомола.

– И как?

– Нет. Пока нет.

– Деканат – это мелочно. В таких случаях следует звонить в КГБ. Что смотришь? Прямой националистический призыв к восстанию, подрыв основ государственного и общественного строя СССР. Пятнадцать лет расстрела как с куста. Страшно?

– Ты издеваешься?!

– А ты слышала о теракте в гастрономе на Калиновского? Бабки в очередях только о нём и судачат, что там убитых тьма. Вижу – слышала. КГБ по моему доносу примчится в общежитие... – он наклонился, обдав Варю дыханием. – Примчится, чтоб арестовать вас четверых! Раз песни поёте крамольные, то и бомбу заложили, больше же некому.

– Я в Москве была, – жалобно пискнула Варя.

– Так себе алиби. Бомбу заранее готовили, ты всё знала, но не донесла. Ладно, тебе двадцать лет хватит, выйдешь по амнистии. Да шучу я! – воскликнул он, увидев, что серые глаза с коротенькими ресничками наполняются слезами, которые вот-вот нарисуют дорожки на щеках. – Короче. Я принесу выпить. Клянусь – первым выпью свой бокал, а у вас появится на меня компромат – что нарушил приказ ректора не квасить в общагах. Не выгонят из БГУ, так выселят из комнаты. Ну, среди вашей четвёрки есть стукачка?

– Нет... Наверно.

– Вот! Проверим экспериментально. А пока – до вечера. Часов в десять нормально?

Варя, наконец, навела порядок в мыслях.

– Мы на четверых думали.

– Понял. Мне кого-то из парней позвать? Попробую Гриню. Добром не пойдёт, испугаю его до усрачки кровавой гэбнэй. Как тебя только что. Вы все такие доверчивые!

– Нет... Я не о том. И ещё...

– Из тебя каждое слово тянуть?

– Стеснялась, но спрошу. Ты Татьяну с собой не приведёшь?

– Мисс БГУ? Миску? Или целую кастрюльку? Слушай, расскажи, что про нас с ней говорят.

– Разное. Что у вас агитбригада выступала в меде. Ты ей на гитаре подыгрывал, а потом прямо на сцене предложил – выходи за меня замуж.

– Серьёзно? Немного молод я для свадьбы. А она?

– Послала тебя подальше.

– Класс! Выступление юристов в мединституте обсуждает филфак! Чувствую себя звездой.

– Правда? Я думала – ты расстроен. Хоть и не похоже.

Варя уже явно вспотела в зимнем, стащила беретку с головы, сразу похорошев. Егор всё же решил рассказать ей анекдот, сочинённый, правда в другое время и применительно к вузу другого города – Москвы.

– Знаешь, встречаются как-то Василиса Прекрасная и Баба-яга. Василиса рассказывает: поступила я на филологический, там, наверно, самая умная, но, к сожалению, не самая красивая. – А я – на юрфак, отвечает Баба-яга. – Среди юристов не самая умная, конечно, но что первая красавица – не отнять, – Варя вымученно улыбнулась, и Егор поставил точку: – До вечера! Отметим, а потом поведёшь меня в Мраморный зал.

– Хорошо, – сдалась она. – Но недолго, потом пойдём посмотреть «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» по телевизору.

Глава 7

От предложения «пойти к девицам» Гриня офигел.

– Меня потащишь как некрасивую подружку?

– Нет, как громоотвод. Чтоб спустить на тебя избыток женской эротической энергии.

Предупреждаю: мисс Луинец там нет. И миссис тоже. Обычные студентки с четвёртого этажа. Но нормальные, душевные. Хоть каждая со своими тараканами в котелке.

– Дадут?

– Тут, брат, никаких гарантий. Как договоришься. И сколько вольёшь. Презервативы есть? Иначе повезёшь в свой Луинец сразу жену с дитём.

По суксившейся физиономии парня он понял, опыт натягивания кондомов у того минимальный. Как и опыт по женской части вообще.

– Я в деле.

Они быстро обсудили, кто и сколько чего возьмёт, скинулись по пятёрке.

– Вовану корвалол прихвати. Нанервничался, придурок, сегодня на зачёте.

Егор сложил деньги и отправился по короткому маршруту: гастроном и аптека. В продовольственном минут пять выбирал, минут сорок стоял в кассе. В аптеке повезло – всего человека три, за ним пристроилась старушка.

Презервативы продавались, но как-то стыдливо. Из-за капель в нос выглядывал только кончик упаковки, непонятно – какой. И стояла цена без указания, что за товар.

Из серии «в СССР секса нет».

– Мне презервативы, – попросил Егор, не смущаясь старушки сзади.

– Есть по два и по десять в упаковке, – дама за стеклянным оконцем, ощутив отсутствие комплексов у покупателя, не понижала голос.

– Десять. И корвалол, если не сложно.

– Зачем столько брать, коль сердце прихватывает? – участливо поинтересовалась старушка.

Подмигнув ей и всем пожелав наступающего Нового года, Егор покинул аптеку, отправившись в общежитие.

Неожиданно ему стало хорошо.

Ну и что, что в кранах только холодная вода, а к очку – очередь? Ему 21 год, в этом возрасте подобные мелочи не напрягают.

Нет интернета? Зато люди общаются не меньше. Только не гифками и не перепостами, не отправляют смайлики и ссылки. Просто – разговаривают, вместе поют, едят, занимаются делами. Если куда-то идут, чаще всего тоже вместе.

Да, все думают о карьере и распределении, о свободном трудоустройстве после БГУ не может быть и речи. Исключение – вышедшие замуж за минчанина, они получают открепление и идут куда хотят. Точнее – куда возьмут.

Да, конкуренция присутствует. Но не подлая. Это только деятели вроде прежнего Егора могут настучать и утопить конкурента.

Да, существует разница между благополучными минскими детками и «понаехавшими» с периферии. Как и в его московском универе. Сказываются различия между выпускниками школ и поступившими в БГУ после армии, особенно после подготовительного отделения, таких много именно в общежитии. Егор пропустил период совместной учёбы «молодых» и «стариков», в комнате с ним жили только «молодые». Или бывшие золотые медалисты, или дети обкомовского-райкомовского начальства, другие на юрфак не пробивались. Престижная профессия.

Конечно, за считанные дни в СССР он узнал ещё очень мало, впитывая каждый бит информации. Главное – не спалиться в ближайшие недели. С поддержкой гэбистов он наверстает и заполнит дыры в «воспоминаниях». Всё же хорошо, что после Нового года надо будет идти в милицию, а не к одноклассникам. В Первомайском он не знает никого, никто не знает его. Наверное.

В общем, жизнь налаживается!

Поймав ртом пару снежинок, Егор нырнул в общагу и тут же был отловлен мужиком отставного вида с наградными планками на груди. Даже если ему написать на лбу слово «комендант», он бы не был похож на коменданта больше, чем сейчас.

– Евстигнеев! Зайди.

– Сейчас. Только продукты занесу.

– Немедленно! Что за разговорчики в строю...

Парень уныло поплёлся за отставником, не зная его фамилии, имени и отчества. Выручало, что они блестели вытертым самоварным золотом на табличке вверху двери кабинета.

– Садись, Евстигнеев.

– Спасибо, Пал Ильич.

Комендант уселся на командное место за обшарпанный стол.

– В спортивной сумке что – водка?

– Обижаете. Две бутылки шампанского на десять человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.